

ТАТЬЯНА И ДМИТРИЙ ЗИМИНЫ

РАСПЫЛЕНИЕ

ДЕЛО О БАБЕ-ЯГЕ

16+

Татьяна и Дмитрий Зимины

Распыление. Дело о Бабе-Яге

Серия «Распыление», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39424208

SelfPub; 2018

Аннотация

Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен. Время, когда воплощались самые лучшие фантазии и самые худшие кошмары. Когда в каждой подворотне вы могли встретить сказочных чудовищ и легендарных героев. Это были годы света, и это были годы мрака. Катастрофа, или начало новой эры? Шел пятнадцатый год от начала Распыления. Чтобы распутать клубок загадочных событий и раскрыть серию магических убийств, в уездный город Энск направляются агенты особого назначения...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	41
Глава 4	52
Глава 5	73
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Глава 1

Иван

По жизни Лёня Кукиш был человеком довольно скверным, а после смерти и вовсе стал натуральным козлом.

Он лежал на замусоренном полу дворницкой, одетый в драные треники и застиранную фуфайку. Из-под лба, покрытого белыми шелковистыми завитками, торчали крепенькие рожки, ноги с вывернутыми назад коленками оканчивались копытцами, а остекленевшие глаза, выпученные смертной судорогой, имели квадратные, как водится у козлиного племени, зрачки.

– Кто-то очень не хотел, чтобы Лёня расстался со своими секретами, – сказал я, присаживаясь рядом с трупом и прижимая пальцы к шее козла.

– Что ты делаешь? – поднял брови Лумумба.

– Надо же констатировать смерть.

– В таком виде не живут, стажер. Мог бы догадаться.

– А вдруг?

– Вдруг бывает только взрыв, когда о растяжку запнешься.

Соберись.

Соберись... Двое суток в бронепоезде – и не подумайте, что там предусмотрены спальные вагоны. Затем на переклад-

ных, по жаре, по пыльной степи, к черту на кулички. До сих пор зубы стучат и задница похожа на отбивную.

А всё потому, что начальству приспичило побыстрее. Могли ведь чинно-благородно, сесть на пароход, в дороге поспать, покушать, может, на танцы сходить или кино посмотреть...

Но, несмотря на все усилия, мы опоздали. И зачем тогда все эти жертвы?

Говорить об этом наставнику я не посмел. Не ровен час превратит в какое-нибудь тихое, не подверженное приступам мести, животное. С него станется. И трансформацию, кстати, в отличие от здешнего недоучки, проведет как положено.

– Ладно, записывай, стажер, – прервал мои мысли Лумумба. Я достал блокнот. – Маганомалия уровня Б-тринадцать дробь два. Летальный исход. Адрес... – он растерянно огляделся. – Выйдем, посмотришь адрес. Время... – вынул из жилетного кармана сверкающий репетир и взглянул на циферблат... – Пять часов тридцать две минуты утра. Записал? – я кивнул. – Тогда приступай к осмотру помещения.

Лумумба отошел к окну и, обнаружив там надколотое блюдо с вялым соленым огурцом и вареной сосиской, глубоко задумался над ними. А я, как велено, приступил к осмотру.

Комната сырая, воняет в ней протухшими щами, да еще из

закопченных углов тарачатся откормленные пауки, явно с кулинарными намерениями. Только что зубом не цыкают... Я старался не смотреть им в глаза. Мало ли что...

Бетонный пол, вместо коврика застеленный старыми газетами, шаткая мебель явно подобрана на помойке. Внимание привлек столик, притулившийся в уголке. Необычного в нем было то, что на столешнице, сделанной из куска криво обрезанной фанеры, содержалось несколько книг. Я подошел посмотреть. Толстый паук, резво перебирая крепкими мохнатыми ногами, подполз ближе и стал жадно принюхиваться. Меня передернуло. Дрессировал их Кукиш, что ли? Имущество охранять... С трудом поборол желание снять ботинок и жахнуть по наглому арахниду что есть сил.

Достоевский, Толстой, Стефан Гейм, Плутарх... Книги были в ужасном состоянии, у некоторых не хватало обложек. Корешки обуглены, на страницах чернеют следы копти. Коснувшись кончиками пальцев верхнего в стопке тома, я глубоко вздохнул и закрыл глаза.

...Книги горели. Огонь жадно набрасывался на страницы, скручивал штопором корешки, одну за другой пожирал обложки. В воздух поднимались клубы черного пепла. Некоторым повезло: они оказались с краю, далеко от бледно-золотого, гудящего, как доменная печь, пекла. Их выхватывали голыми руками, поспешно ворошили страницы, сдувая искры, а затем прятали под одежду и исчезали в темных под-

воротнях. Молча, стараясь не встречаться взглядами. Чтобы следующей ночью, если повезет, вернуться, и спасти еще нескольких обреченных...

Я потряс головой. На курсах нам рассказывали, что сразу после Распыления, во времена бунтов, жечь книги было очень популярным занятием. Многим тогда думалось, что конец света означает также и конец истории.

Значит, покойный Кукиш был не так уж прост... Интересно, что довело его до жалкой дворницкой в одной из заброшенных пятиэтажек, на краю города?

Одна из книг, лежащих в стопке, имела меж страниц небольшой зазор. В нём даже что-то поблескивало, какая-то проволочка. Осторожно подцепив её кончиками пальцев я вытащил женскую сережку. Довольно дорогую: аметист, оправленный в золото, с несколькими подвесками, украшенными более мелкими камушками.

– Что это у тебя? – наставник неожиданно возник за спиной.

– Да вот...

– Где это было? Зачем вытащил? Почему не позвал?

– Проволочка... Она торчала среди страниц, вот я и... Вы же сами велели осмотреть!

– Осмотреть, а не тянуть в руки всякую гадость! А вдруг это бомба?

– Ой, да что это вам, бвана, везде бомбы мерещатся! От-

куда им здесь взяться? Натя! – я сунул ему в руки серьгу, – Вот она, ваша бомба...

– Где ты это взял? – смягчился Лумумба.

– Да там выемка в страницах, – я вновь потянулся к книге.

– Не трогай! – меня больно стукнули по пальцам. – Я сам...

Шуганув паука, учитель поводил над книгами руками, как бы ощупывая воздух, обнюхал их, одну за другой, и только потом вытянул ту, в которой была серьга. Раскрыв, сложил губы трубочкой и замычал свой обычный невразумительный мотивчик. Я, сгорая от любопытства, заглянул ему через плечо.

На хрупких страницах прятались мангазейский золотник и пакетик с дурью. Что это Пыльца, я понял сразу, седьмым чувством, известным любому Запыленному. А монета? Всем известно: Мангазейские бароны чеканят только золото...

Раскрыв пакетик, Лумумба вытряхнул на ладонь одну из таблеток. Достал из жилетного кармана лупу и, вставив её в глаз, повернулся к свету.

– Двояковыпуклое прессование, никаких опознавательных печатей. Производство... – лизнув таблетку, он закатил глаза. – Импорт.

– Что вы имеете в виду?

– То, что ты, молодой падаван, ленив, как конотопская попадя. До сих пор не изучил мою монографию относительно вкусовых различий штаммов Пыльцы, культивируемых на

территории РФ! Стыдно должно быть!

– Может, местная лаба? Кукиш об этом и писал: ненормальное количество Пыльцы... – Лумумба стоически вздохнул.

– Влияние на рост культуры эндемичных условий, таких, как: вода, температура воздуха, сырье для базового конгломерата...

– Да понял я, понял, – не дал я учителю сесть на любимого конька. – Не отсюда она. А... Откуда?

– Уроки надо учить, – буркнул наставник, пряча в карман добычу и захлопывая книжку. А потом посмотрел на меня уже не так враждебно. – А ведь ты прав, стажер. Это может оказаться бомбой!

– Я про бомбу ничего не говорил, – открестился я. – На бомбе настаивали как раз вы, бвана.

– Да заткнешься ты, или нет? – потерял терпение Лумумба. – я тебе талдычу об уликах, а ты...

– Да что там улики? – вот не люблю я, когда кричат. Особенно, на голодный желудок: у меня от этого колики делаются. – Затрапезная монетка, пол-грамма дури, да сережка. Была бы хоть пара...

Начальник вдруг посерьезнел, заглянул мне в глаза и заботливо потрогал лоб.

– Что-то ты совсем плохой, падаван. Капец мозга: не иначе, от орков заразился.

Я набычился, готовясь продемонстрировать, как ведут се-

бя настоящие орки, но Лумумба, вновь сунул мне под нос монету.

– На аверсе – герб Мангазеи: конь, а под ним – песец, бегущий в правую сторону. Герб, к твоему сведению, утвержден в тысяча восемьсот двадцатом году. А теперь присмотрись повнимательней, стажер.

Я послушно сощурился. Монета была мелкая, и где там конь, где песец, было не очень ясно. Но что-то... Что-то было с ней не так.

– Вот эта козявка смотрит не в ту сторону! – я ткнул пальцем, накрыв, правда, всю монетку целиком.

– Молодец! – восхитился Лумумба. Пара воспитательных подзатыльников и совсем немного крика – и ты понял, о чем говорит твой старый больной учитель. Но я тебя не виню... – он ласково погладил меня по голове. – Трудно быть умным, для этого напрягаться приходится... – наставник подбросил монетку и вновь поймал. – Что характерно: монета гораздо легче золотой. – сказал он задумчиво.

– Это вы тоже на вкус определили?

– На запах! – он кинул монетку мне. – Каждый уважающий себя маг должен отличать золото от других металлов. У этой, например – железный сердечник. Чувствуешь? – Старинный и уважаемый в определенных кругах способ подделки. На вид – практически не отличить от настоящей, даже краешек можно прикусить, – забрав монетку, Лумумба куснул её крупным, как у лошади, зубом, и продемонстрировал

вмятину. – Видал? Любую поверхностную проверку пройдет.

– Фальшивая монета и импортная Пыльца... – пробормотал я, уже не обижаясь.

– Надо думать, это и был сенсационный материал, который хотел нам продать Кукиш.

– Но... Почему тот, кто его убил, не забрал улики? Они ж, можно сказать, на самом видном месте.

– Возможно, не успел, – поджал губы Лумумба, разглядывая камень в сережке на свет. – Не завершил колдовство, не забрал улики... Кто-то его спугнул. И, сдаётся мне, это были не мы.

Я вспомнил своё прикосновение к окоченевшей шее козлика. Труп пролежал на полу дворницкой несколько часов...

После затхлого, пропитанного сыростью подвала прохладный утренний ветерок приятно бодрил. Небо, усеянное ватными шариками облачков радовало прозрачностью и голубизной, с реки доносились крики чаек и рыбные запахи.

По донесениям Кукиша мы предполагали в нем человека недалекого, но предприимчивого. Никогда он не забывал напомнить о гонораре и существующих надбавках за вредность, и славился умением выговорить для себя самые выгодные условия. Собственно, даже не имея другого занятия, кроме работы на нас, он мог позволить себе жить припеваючи. Найти жильё в приличном районе, с отоплением и горя-

чей водой, а не эту конуру в забытых богом развалинах...

Мы-то решили, что дворницкая на отшибе, подальше от посторонних глаз, всего лишь явочная квартира. Но он жил в ней по меньшей мере несколько месяцев. Напрашивается вывод: Леонид Тимофеев, по прозвищу Кукиш, внештатный сотрудник АББА, нащупал что-то действительно серьезное, и, дожидаясь нашего приезда, решил лечь на дно.

Из заброшенных спальных районов мы попали на берег реки. Здесь было чисто, светло и красиво. Набережная блистала газовыми фонарями, лавочками и урнами, выполненными в виде безобразных хвостатых жаб, по ней степенно прогуливались хорошо одетые граждане.

– А ничего так городок. Подходящий, – Лумумба молодецки оглядел реку, мост с бронзовыми балясинами, островерхие крыши домов на другой стороне и белые, чуть закопченные стены церквушки с разбитой маковкой, виднеющиеся за мостом, на небольшом холмике.

– Подходящий для чего? – угрюмо переспросил я. Всё никак не мог изгнать из памяти сытых пауков в дворницкой.

– Для пенсии, например, – живо откликнулся начальник. – Вот, лет через пятнадцать-двадцать, если повезет дожить, оставлю службу, переберусь сюда и поселюсь в домишке с белым штaketником и курятником на заднем дворе... Смотри, какая красота!

Мы остановились и стали любоваться красотой: в рассвет-

ных лучах река вся сверкала, будто покрытая серебряными чешуйками, над нею, как истребители, носились чайки. Время от времени то одна, то другая ныряла в воду и появлялась с зажатой в клюве килькой.

– И рыбы здесь много! – порадовался начальник, кивая на завтракающих птиц. – Вот тебе, Ваня, доводилось когда-нибудь рыбачить?

– Не-а.

– А я, признаться, люблю. В Африке, например, есть такая река: Лимпопо...

Мимо берега, ревя, как белуга, и распространяя вонь сивухи пополам с жареной картошкой, прошел катер. Переждав, пока он удалится, Лумумба продолжил:

– Так вот: на реке Лимпопо рыбачат так... – он причмокнул и закатил глаза. – Нужно взять упитанного поросенка и привязать его у воды. И, когда он начнет визжать, крокодил полезет за ним на берег. Дальше надо не зевать...

– Да какая ж это рыбалка? – перебил я. – Это у вас, бвана, охота получается. И вообще: тратить поросенка на какого-то вонючего крокодила, по-моему, преступление.

Видел я этого крокодила в Московском зоопарке: бревно бревном, и тиной воняет...

– Ты дашь мне договорить, или нет? Совсем от рук отбился. Наверное, это моя вина: слишком добрый стал. Говорил мой отец М'бвеле Мабуту, царь народа самбуру: детей надо драть. Очень любить, но при этом лупить нещадно...

Я хотел возмутиться, что какой же я, туды его в качель, ребенок, но над головой послышался оглушительный, быстро нарастающий свист, вроде того, который производит летящий фугасный снаряд. Мы с Лумумбой инстинктивно выставили щиты. По ним тут же растекся горящий напалм. Капая на мостовую, он плавил камни.

– Однако, – пробормотал учитель и выдохнул контрзаклинание в виде клуба ледяного воздуха, которое тут же всё заморозило.

Народ вокруг зароптал. Послышалась брань в адрес магов, от которых житья совсем не стало, и, где-то на периферии, пронзительно заверещал полицейский свисток.

– Ходу, – спокойно приказал Лумумба и мы, осторожно переступив озерцо остывающей лавы, удалились с места происшествия.

Шагая по проспекту, уводящему в сторону от набережной, начальник сиял, как именинник. Черная кожа аж лоснилась на его щеках.

– Чему вы так радуетесь, бвана? – голодный желудок и недавнее покушение как-то не способствовали игривости.

– Всегда приятно получить предупреждение, – отвечивал тот, попутно раскланиваясь со стайкой симпатичных, в голубых платицах и соломенных шляпках, барышень. – Помогает не расслабляться.

– Да уж. Расслабишься тут, – даже улыбки барышень не

могли растопить моего черствого сердца. – Сотрудник погиб, а вы тут девушкам глазки строите. К тому же, нам в этом городишке явно не рады.

– Перестань брюзжать, стажер. А то я тебя выпорю, честное слово.

– Жрать охота, – пожаловался я.

– Ничего, потерпишь. Сытое брюхо к учению глухо.

– А я думал, что голодное...

– Отставить прения! – Лумумба так грозно сверкнул синими глазами, что я испугался: теперь точно превратит. И зажмурился.

– Ладно, расслабься, – сжалился начальник. – Люблю, когда боятся... И он, как ни в чем ни бывало, пошел дальше. – Итак, молодой падаван: от какой маганомалии мы имели счастье уклониться не далее, как десять минут назад?

Я быстренько прикинул:

– Файербол обыкновенный, сиречь – огненный шар. Напряжение... шестнадцать ампер по шкале Бен-Бецалеля.

– А о чем это говорит?

– О том, что в городе есть по меньшей мере один сильный маг, о котором в агентстве не знают.

– И... – подбодрил учитель.

– Лёня не врал: Пыльца в городе есть. И много, – я кивнул на звездообразную обугленную трещину в мостовой. Трещина давно остыла, и прохожие не обращали на нее никакого внимания.

– Опять файербол?

Наклонившись над трещиной, я осторожно потянул носом. Пахло соляной кислотой и желудочным соком.

– Нет. Думаю, это жаббервог.

– Интересно... – Лумумба опять принялся напевать. – Сначала козлик, потом огненный шар, теперь – жаббервог. О чем это говорит?

– Никакого почерка. Или это несколько разных магов, или...

– Очень мощный универсал.

– Хрен редьки не слаще.

– Не скажи... – Лумумба довольно потер руки. – А давненько мы с тобой не попадали в хорошую передрагу, а, падаван?

– Да уж скажете тоже... – обиделся я. – А Стёпка-Растрепка в Воронеже?

– Ну, это было на прошлой неделе. Седая старина.

Я закатил глаза.

– Эх, нет в тебе духа авантюризма, дружок! – пихнул меня в бок Лумумба. – И в кого нынче такая скучная молодежь?

– Хотелось бы, знаете ли, пожить, – склочность моего характера возрастала пропорционально радости наставника и бурчанию в собственном животе. – Вам-то что, вы уже старый... Сорок лет, как-никак. А мне, сиротинушке, неохота буйну голову под вражескими файерболлами в чужих землях сложить.

– А неохота – так учись! – потерял терпение Лумумба и больно стукнул меня по лбу. Я всхлипнул, всем своим видом демонстрируя неприкаянность и безутешность.

– Ладно, – сжалился учитель. – Пойдем, я, так уж и быть, тебя покормлю. Но сначала – зайдем в Агентство.

Глава 2

Маша

...На Филигранной улице распахнулась дверь продуктового и я ускорила шаг. Заскочу, куплю близняшкам чего-нибудь вкусенького. Да и Ласточку хочется порадовать.

Внутри никого, кроме сонных мух и зевающего во весь рот продавца, не было. Зато на прилавке красовался огромный мешок с мороженными пельменями. Ого! Это я удачно зашла: сама я готовить не умею, разве что макароны с тушенкой.

Увидев ценник, я насторожилась. Помнится, как-то польстилась на дешевый фарш, а он оказался крысиным. Все домашние брюхом маялись...

– А с чем пельмени-то? – спросила я.

– А с драконятиной, – дядька равнодушно зевнул, прикрывая рот толстой лапой. – Третьего дня за рекой дракона завалили. Мяса с него сняли – пропасть, все склады забили.

Драконятина. Ну-ну...

– И... – я заговорщицки понизила голос. – Как она на вкус?

Продавец медленно оглядел меня с головы до ног, отметив и бляху Охотника, и Пищаль за спиной, и куртку, забрызганную свежей кровью, но не повел и ухом.

– А как индюшати́на. Тока пожощэ. Дак в фарше ж незаметно, – и подмигнул заспанным красноватым глазом.

– Ну, если как индюшати́на... – я тоже подмигнула, – Тогда на все, – и высыпала из кошелька горсть монеток. Было их не густо. Вчера, перед дежурством, пришлось заскочить в аптеку за лекарствами.

Дядька, не считая, смахнул монетки под прилавок, а на весы бросил большой кулек из оберточной бумаги. Нагреб пельменей, высыпал в кулек. Глянул на меня, перевел взгляд на Пищаль... Нагреб еще. Кинул взгляд на весы, зачерпнул из мешка прямо горстью и сыпанул еще десяток. Пельмени глухо стучались друг о друга.

– На здоровье! – напутствовал он.

– И вам не хворать, – поблагодарила я, принимая кулек. Тяжелый, килограмма на два потянет...

Улыбнулась. Вот приду домой, а Сашка с Глашкой: – Маш, а Маш! Что ты нам принесла? А я им: – Пельмени с драконятиной... Очешуеть.

Третьего дня за рекой завалили не дракона, а динозавра. Был он и вправду здоровенный, и глупый, как курица. Пугая огнеметами, его загнали в яму с кольями, и, между прочим, это я сделала решающий выстрел.

В переулке мелькнуло что-то белое, ослепительное. Мелькнуло – и пропало.

Показалось. Наверное. А... если не показалось? Осторожно ступая, я шагнула вглубь подворотни. Опять сверкнуло!

...Он стоял в тенистом дворике под липами и пристально смотрел на меня. Длинные точеные ноги, будто сотканная из солнечных лучей шкура, длинный витой рог...

Я протянула руку – единорог, всхрапнув, отскочил. Но не убежал, а опять застыл, искоса поглядывая на меня. Вокруг никого. Только я и он. Стоит, помахивая пышным хвостом и легонько так бьет копытом. Но, как только я приблизилась, он вновь отпрыгнул. Затем заржал, мотнул головой и скрылся, мать его лошадь за ногу, в подворотне.

Нужно его поймать. Если поспешить, пельмени даже разморозиться не успеют, а я зато смогу... Ладно. Не буду загадывать раньше времени.

Я никак не могла разглядеть паршивца целиком – после первого раза глупая животина к себе не подпускала. Мелькал то длинный хвост, то изящный изгиб шеи, то хитрый, будто подмигивающий, глаз... Так и бежали: он – впереди, я – за ним. Не заметив, забрались в самую глушь, в Окраины.

Пришла в себя в глухом и узком, как колодец, дворе. Всё здесь заросло крапивой и лопухами, асфальт детской площадки взломали молодые деревца, песочница превратилась в черное квадратное озерцо. Наклонившись, я взглянула на свое отражение. Лицо бледное до синевы – сказывается бессонная ночь, волосы растрепались и торчат в разные сторо-

ны, как у тряпичной Энни...

На каждом дежурстве даю себе обещание: взять в следующий раз зеркальце и расческу. Но, вернувшись домой, благополучно об этом забываю. Пытаюсь расчесаться пальцами, заметила белую вспышку. Развернулась – никого.

Пробираться пришлось по центру улицы, держась подальше от домов. С крыш в любой момент мог сорваться кусок шифера или обломок кирпича. Места были знакомые, хотя за пять лет многое изменилось. Деревья стали выше, дома еще больше обветшали и таращились пустыми провалами окон. Кучи мусора заросли травой. Но приметы остались прежними. Вон там – старая водокачка, над её крышей всё так же кружат вороны. Рядом расщепленный молнией дуб, под корнями которого вырыта обширная нора. В норе, если не находилось другого убежища, можно было переждать ночь...

А дальше был туман. Дорога уходила в лог, и туман колыхался в нем, будто белое болото. Кое-где из тумана торчали крыши домов.

Я нашла взглядом старую школу. Для нашей банды она была пиратским замком: много комнат, куча мебели для костров и решетки на окнах – легко защищать. А еще в школе была библиотека. Книжки почти все растащили и сожгли, но я спасла несколько штук. "Математика" за четвертый класс, "Книга для чтения", "Природоведение и география"... Чи-

тать я тогда не умела, и как они называются, узнала потом, от Бабули.

Единорог мог пойти в рощу, – подумала я и решила спуститься. Сделала несколько шагов по тропе и перестала видеть ноги. Туман перекатывался волнами и там, в глубине, плавали огромные призрачные тени. Одна из них, двигаясь всё быстрее, вдруг поплыла вверх и я чуть не рванула назад, но, услышав цокот когтей и прерывистое дыхание, сдернула с плеча Пищаль. Призраки не дышат, а с любой живой тварью я справлюсь.

Из тумана вышла собака. Огромный пес, весь пятнистый – даже на глазу, как пиратская повязка, чернело пятно. Выглядел он дружелюбно, и я, негромко посвистев, протянула руку. Пес её обстоятельно обнюхал, чихнул и уселся, перегораживая тропинку.

– Пропусти, пожалуйста, – вежливо попросила я. Демонстративно отвернувшись, пес стал чесать задней ногой за ухом. Но как только я попыталась его обойти, выпрямился заворчал.

Из лога слышалось негромкое призывное ржание и пес, резво вскочив, зарычал на туман. Затем оглянулся и показал глазами вверх, на тропу.

– Нет, – я упрямо мотнула головой. – Мне очень нужно его увидеть.

Все знают, что единороги исполняют желания. Нужно прикоснуться к рогу и загадать... Я, честно говоря, слухам не верила – очевидцев не встречала, а Бабуля говорит, что место единорогам – на картинках, в спальнях маленьких девочек... Но, встретив его сегодня утром, я решила: это знак.

Присев на корточки перед псом, я почесала ему голову и сказала:

– Мне очень нужно, понимаешь? Очень. – тот, шумно вздохнув, поколебался, но затем сдвинулся с тропы и негромко заскулил.

– Красава, – я потрепала его по ушам. – Да не ссы, я в курсе, что там и как.

Взяв наизготовку Пищаль и поправив рюкзак, я пошла вниз. Пес так и остался сидеть на границе.

Внутри тумана было тихо. Тропинка едва виднелась, то с одного, то с другого краю мелькали обломки стены и куски старой арматуры. Надо двигаться очень осторожно – напомнила я себе. Чтобы не споткнуться и не напороться на ржавое железо. Вытащить меня будет некому.

Заметив впереди мельтешение, остановилась. Над тропинкой вились мотыльки. Они беспомощно взмахивали истлевшими крылышками, не в силах взлететь повыше. Странно... Туман поглощал все звуки. Пахло в нем скошенной травой, мокрыми кирпичами и рекой. Чем ниже, тем он становился плотнее: я уже не видела кончиков пальцев вытяну-

той руки.

Вдруг перед лицом мелькнуло что-то темное, и беззвучно унеслось. От неожиданности я подпрыгнула, сердце тоже подпрыгнуло, на мгновение застряло в горле, а потом упало на дно желудка.

Нацелив в туман Пищаль, я, как безумная, завертелась на месте. И рассмеялась. За ветку, невдалеке от меня, зацепился черный полиэтиленовый пакет. У страха, как известно, глаза велики.

Не убирая оружия, я двинулась дальше. Ноги противно дрожали, спина взмокла под рюкзаком. По словам Бабули, упрямяство родилось раньше меня, и я нередко от этого страдаю. Но ведь единорог – это реальный шанс. Такой выпадает раз в жизни.

Ладно. Не буду об этом сейчас думать.

Оказавшись на дне лога, я попала в рощу – из тумана выступали светлые стройные стволы, запахло прелыми сережками. Честно говоря, я надеялась, что он вскоре рассеется – солнце было уже высоко, но взвесь становилась только гуще. Вытянув руки, чтобы не стукнутся лбом о какой-нибудь ствол, я побрела, прислушиваясь к каждому шороху.

Откуда ни возьмись, опять налетели мотыльки, я оказалась в самой их гуще. В первый миг испугалась – уж очень неожиданно появились. Лихорадочно кружа перед лицом,

они совсем меня запутали. Наступив на что-то скользкое – камень, или клочок травы, я со всей дури грохнулась на пятую точку. Позвоночник пронзила боль. Твою медь!

Мотыльки, сделав прощальный круг, улетели, а меня вновь обступил туман. Был он теперь плотным, как вата, и абсолютно сухим. Я что хочу сказать: туман – это конденсат из мельчайших капелек воды, верно? Но этот туман был не таким. И пах – я это заметила только что – не как туман, влагой и сыростью, а... сладковато и кисло. Как падаль.

Рука стиснула приклад. Ладно... Будем решать проблемы по мере поступления. Единорог показываться не хочет, значит, нужно выбираться из этого лукавого тумана и придумать что-то другое. В конце концов, до сегодняшнего утра я на него и не рассчитывала. Одна проблема: непонятно, куда идти. Всё тонет в белом молоке.

Вдруг продрало холодом до самых пяток. Дошло, что в мотыльках было неправильным: они были мертвы. Как и те два, что на тропинке... Осыпавшиеся крылышки, сухие, лишённые усиков и лапок тельца... Святой ёжик, почему я раньше этого не поняла?

Вспомнилось сегодняшнее ночное дежурство. Совсем в другом районе, на другом конце города. "Вспышка некромагии" – гласила заявка. Старинное кладбище домашних животных. Скелеты собак, кошек, крошечные остовы хомячков и морских свинок.

Они бессмысленно бродили по улицам, лезли в палисадники, тыкались костяными мордочками в двери домов, до смерти пугая жильцов... Некроманта мы так и не обнаружили, так что вспышку определили, как "спонтанную" – просто случайное возмущение магического поля, ни к кому конкретно отношения не имеющее.

Но в Окраинах всё по-другому. Здесь, в каком-нибудь пустом подвале, вполне может прятаться спылившийся торчок, возомнивший себя магом. Замерев и боясь вдохнуть, я застыла. Если меня засекали...

И тут я опять услышала ржание. Чтоб тебя... Будто он, единорог, угадал мои мысли и теперь смеется: трусиха, наркомана испугалась. Да что он тебе, охотнице, сделает? Ну, наткнешься ты на него, бедолагу, дак у тебя ж Пищаль!

Нужно найти школу – осенило меня. Заберусь на крышу, осмотрюсь и пойму, как отсюда выбраться. Главное, не отвлекаться. Ни на единорогов, ни на бабочек, ни на другую хрень. Помечтала – и харэ.

Привалившись к стволу березы, я постаралась припомнить подробности. Школу окружает бетонный забор. Он почти везде осыпался, но фундамент сохранился. Роща находится слева, а справа, за забором – река. Если я доберусь до реки и пойду по берегу, обязательно наткнусь на бетонный поребрик. Останется только перелезть на ту сторону...

В школе всё было по старому. Затхлые классы с белесыми

облезшими досками, выбитые окна, ржавые решетки... Когда мы здесь жили, всегда гадали: зачем такое большое здание? Родившиеся после Распыления, мы этого не понимали. Может, это детская тюрьма? Потом, от Бабули, я узнала, что школа – чтобы учиться.

Поднявшись по серой, пахнущей кошками лестнице на самый верх, я выбралась через люк на крышу. Когда-то на нем висел огромный ржавый замок. Он не имел ключа, дужку просто пропихивали в ушки, чтобы дверца не хлопала и внутрь не попадал дождь. Теперь замок исчез, а люк стоял нараспашку.

Подойдя к краю крыши, я осмотрелась. Над головой раскинулось прозрачное, без единого облачка небо, но в лощине всё так же лежал туман. Крыша школы колыхалась на нем, как корабль. И еще казалось, что туман дышит, как живое существо.

Река тоже была в тумане – по темной полоске берега угадывались её изгибы, а чуть дальше, на другом берегу, начался лес. Раньше там тоже был жилой район, но вскоре после Распыления там что-то нарушилось. Старожилы рассказывали, что дома просто растворялись на глазах, как кубики сахара в кипятке. Вместе с жителями и всем остальным... С тех пор туда никто не ходит.

Висматривая приметы для пути наверх, заметила яркое пятно на одной из стен выступающих из тумана домов. Сна-

чала не обратила на него внимания, но дом мог стать хорошим ориентиром. Напрягая зрение, попыталась рассмотреть, что там за пятно, и чуть не свалилась с крыши. Картина. Да какая огромная – на всю торцевую стену... Святой ёжик! И кому в голову пришло изображать ЭТО? Просто удивительно... Ладно, раз всё равно по пути, подойду поближе, рассмотрю хорошенько.

Запомнив направление, я побежала к люку и спрыгнула на лестницу. Сейчас-сейчас, только выберусь из школы, затем – через двор, к забору, опять через рощу и...

Негромкое ворчание раздалось откуда-то снизу. А я была уверена, что школа абсолютно пуста... Свесившись через перила, попыталась разглядеть лестницу, но внутрь проникло не так уж много света. Может, показалось? Я же топала, как слон, железные перила гудели, вызывая эхо... Точно, показалось.

Если б не волна смрада, он бы меня точно сцапал. Но, в то мгновение, когда пахнуло разлагающейся плотью, я инстинктивно остановилась. Огромная распухшая туша пролетела мимо, нелепо загребая руками и булькая прогнившим насквозь горлом.

Зомби. Маганомалия сорок два дробь шестнадцать... Редкое явление. В старые времена поднимать мертвецов было довольно популярным занятием, но со временем все поняли,

что от мертвяков нет никакого проку. Они даже не страшные: слишком медленно ходят и слишком быстро разлагаются. Этот был очень старым, но в сухом прохладном воздухе подвала неплохо сохранился. Почувяв живую плоть, то есть, меня, зомби выбрался на белый свет и решил поохотиться.

Промахнувшись, мертвяк неуклюже развернулся на лестничной площадке и вновь ринулся на меня. В глазницах шевелились личинки, нос провалился, а зубов в черной пасти не осталось вовсе. Но всё-таки он чуял – гнилой кочан головы точно поворачивался вслед за мной.

Поднявшись на пару пролетов, я стащила с плеча Пицаль. После дежурства патронов оставалось всего два – только те, что были в стволе... Нет. Не буду стрелять. Мало ли, кого привлечет грохот – выстрел в узком пролете лестницы прозвучит не хуже танковой канонады. Да еще и оглохну, вдобавок. Повесила обрез назад, за спину, и позвала:

– Цыпа-цыпа-цыпа...

Мертвяк довольно резво заковылял вверх по лестнице. Теряя, правда, кусочки пальцев, когда цеплялся за перила, но это его даже не притормозило. Почувяв меня вновь, он иступленно заревел.

Зомби, как всем известно, вынуждены поглощать сырую плоть, чтобы хоть как-то продлить своё существование. Убили бедолагу, наверное, дней десять назад, да и сбросили в подвал. А кто-то поблизости творил магию – вот он и под-

нялся...

Опершись обеими руками о перила, я оттолкнулась и впечатала берцы ему в грудь. Раздался противный влажный хруст, грудная клетка провалилась, голова отскочила и покапталась вниз, а за нею, теряя конечности, и всё тело. В воздух поднялись клубы пыли.

Выбравшись из школы, я побежала через двор, к забору. Хватит с меня зомби. Хватит с меня единорогов. Хватит несбыточных желаний: надо смотреть на вещи трезво... Взгляну разок на картину – и сразу домой.

Направление я выбрала верно, и через пять минут была на месте. Остановилась, не доходя пары шагов до стены. И застыла задрав голову. Туман немного рассеялся, и теперь исполинскую фигуру было видно во всей красе. Огромные золото-зеленые крылья, длинный шиловидный хвост, когтистые лапы, сильное, покрытое золотой чешуей, тело...

Незнакомый художник запечатлел на стене дракона. Он парил в голубом небе, а внизу раскинулся город. Была видна телеграфная вышка, река с перекинутыми через нее мостами и даже маленький пароход.

Это ведь наш город! Мясникован, Слободка... Даже здание Агентства можно разглядеть.

Забыв обо всем, я уселась в траву и стала изучать запечатленный в мельчайших деталях рисунок. Вон "Зеленый Пеликан" – самый известный в городе клуб, где кутят всякие

пишки, вон – полицейский участок, больница, магазин, в котором я недавно покупала пельмени...

Пельмени! – я огляделась. – Где мой рюкзак? Когда я успела его снять? Вскочив, я заметалась по траве. Этого не может быть. Я же никуда не отходила, всё время была здесь! Не знаю сколько времени я провела в трансе, рассматривая картину. Пришлось, правда, перемещаться, когда клочья тумана застилали отдельные участки. А рюкзак я скинула, потому что мешал задирать голову...

Я еще раз тщательно прошерстила траву и кусты. Да что ж это такое? Куда он мог запропасться? Твою дивизию. Там ведь у меня всё: и документы, и выданная в агентстве накладная на получение амуниции, и лекарства, за которые я отдала почти всю премию. А еще патроны, нож, другой нож, два кастета, револьвер, который я ненавижу из-за убойной отдачи, но всё равно жутко ценный, и... словом, в рюкзаке была вся моя жизнь. А теперь он пропал. Только верная Пищаль и осталась.

В отчаянии я побежала вокруг пятиэтажки. В тумане всё выглядит не так, может, я пришла не с той стороны, может, я сняла рюкзак, еще не доходя до стены с картиной, и он лежит, как ни в чем ни бывало, где-нибудь за углом...

От дома почти ничего не осталось, только кирпичный, постепенно осыпающийся остов. Ни дверей, ни оконных рам, лишь черные слепые проемы. Может, рюкзак закатился в бу-

рьян?

Он прыгнул мне на спину, когда я миновала подъезд. За какую-то долю секунды я почувствовала его, услышала, как он бежит, успела пригнуться и тут же ощутила толчок. Покатилась, срывая с плеча Пищаль, нажала курок и... промахнулась. Он был уже рядом, из пасти летела слюна и несло падалью. Ударив по зубам стволом – с размаху, со всей дури, я вскочила на ноги и побежала.

Не знаю, кто это был. Точно не собака. Морда гораздо уже, губы едва прикрывают огромные, отсвечивающие металлом, клыки... Весь покрыт серой с черными проплешинами шерстью, не очень высок – мне по бедро, но мускулист и подвижен, так что не медведь. И на волка не похож – голова слишком тяжелая.

Дыхание вырывалось со свистом, ноги сами находили дорогу. Через стену школы перемахнула одним прыжком, приземлилась, больно ударившись ладонями о гравий, и побежала дальше. Зверь пыхтел, не отставая.

Только вылетев на старый пирс, я поняла, что добралась до реки. Туман стелился длинными седыми прядями, под досками проглядывала черная, на вид очень холодная, вода. Надо было бежать по песку, вдоль берега, но поздно. Чудо-вище вышло из тумана и ступило на пирс.

Наткнувшись на ржавую скобу, скрепляющую доски, когти его высекли искры. Я подняла Пищаль. Зверь заворчал,

поводя головой из стороны в сторону, понюхал воздух, а потом пошел на меня. Я отступила. Патрон остался один, и если я промахнусь... Да нет, дело даже не в этом – на таком расстоянии трудно промахнуться. Что-то было в его глазах. Что-то осмысленное, не звериное. За свою жизнь я навиделась всяких тварей, и магических, и не очень. Эта была безусловно магической – железные когти, стальные зубы, – но его взгляд... А вдруг это изменившийся чародей? Вдруг это человек?

– Стой! – закричала я. – Я не хочу тебя убивать! – вы пробили кричать в подушку? Так и здесь: слова идут, а звука нет... – Кто ты такой?

Он только зарычал, подняв верхнюю губу. С языка капала кровавая пена – вестимо, от моего удара.

До края пирса оставалась пара шагов, когда зверь прыгнул. Я нажала курок, попала ему в грудь – в лицо брызнули ошметки плоти, а меня отдачей швырнуло в реку.

От ледяной воды сперло дыхание, ботинки и куртка, быстро намокнув, потянули на дно. К тому же, течение было бурным, меня закрутило и поволокло от берега. Вцепившись в ремень Пищали, – только оружие мне не хватало потерять! – я стала барахтаться, пытаюсь всплыть и глотнуть воздуха.

Обрез за что-то зацепился. Лёгкие разрывало от желания вздохнуть, но я знала: если разожму руки – больше не увижу своей девочки, своей верной подруги, столько раз спасавшей

мне жизнь... В голове стучало, глаза вылезали из орбит, рот сам собой открывался – я уже хлебнула мутной, отдающей илом, воды. Придется бросить, вспыхнула мысль. Иначе не выберусь... Но, упрямо вцепившись в ремень, я продолжала дергать.

Вдруг ремень освободился. Я вяло дрыгнула ногами, пытаясь всплыть, но сил не осталось. Сознание помутилось. А потом я почувствовала, как моё тело подхватила огромная мягкая ладонь и вытолкнула на поверхность. За спиной проплыло что-то огромное. Мелькнуло, и пропало в глубине... а я почувствовала под ногами дно.

К берегу меня прибило с другой стороны школы, река в этом месте делала излучину. Тумана не было и в помине.

Березовую рощу пронизывали ослепительные столбы света. На зеленых прозрачных листочках прыгали веселые солнечные зайчики. Где-то в вышине куковала кукушка, а совсем рядом, на соседнем дереве, выстукивал барабанную дробь дятел...

Усевшись на нагретый валун, я стала терзать мокрые шнурки – нужно вылить воду из берцев, выжать куртку и штаны, хоть немного просушить волосы... Нужно еще раз попытаться найти рюкзак – без тумана это будет намного проще. Может, он так и валяется там, в кустах у дома.

За спиной раздалось негромкое ворчание.

Кровь отхлынула из макушки в пятки, я остолбенела.

Неужели он не умер? Патронов-то больше нету... Собрав все силы, я повернулась, чтобы встретить зверя лицом к лицу.

На песке сидел пес. Тот самый, с пятном на морде, что провожал меня в туман. Поймав мой взгляд, он дружелюбно вывалил язык. Рядом, у обломка стены, лежал мой рюкзак. На лямке желтел брелок с кроликом Пикачу, который мне подарила Ласточка. Пес зевнул, беззвучно гавкнул, и лениво потрусил вдоль берега.

– Эй! Спасибо! – крикнула я. Но он не обернулся.

Лекарства и остальное барахло были целы. Только кулек на пельменях пропитался влагой, а сами они слиплись в ком. Но это уже мелочи. Пока будут вариться, разлипнутся.

Выжав одежду, волосы, ботинки, вылив воду из Пищали, потуже затянув лямки рюкзака, я решила: единорог-единорогом, но я, в первую очередь, охотник. Надо здесь всё проверить. На предмет наличия других нехороших зверьков со стальными зубками.

Возвращаясь к дому с картиной, я думала о псе.

Ничего. Никаких следов лап, царапин когтей, никакого запаха псины или падали. Будто тварь возникла из воздуха прямо перед тем, как броситься на меня. В подъезде не пахло даже кошками, только пыль на ступенях была потревожена: вверх по лестнице шли следы. Человеческие. Большие,

больше моих. Вниз следов не было.

Затаив дыхание, я пошла по следам. Первый этаж, второй... Они обрывались у двери, с которой ключьями свисал старый дерматин. Дверь была не заперта. Толкнув её стволлом револьвера, я заглянула внутрь. Сквозь разбитое окно на пол коридора падали столбы света, в воздухе кружились пылинки. Я шагнула внутрь, половицы скрипнули, а из комнаты раздался стон.

Первым порывом было бежать – наверняка это спылившийся торчок, который наколдовал чудовище. Правильнее, конечно, добраться до Агентства и оформить, как положено, заявку. Взять подкрепление. Но... Я же слышала стон...

Осторожно заглянув в комнату, я увидела кучу тряпья, наваленную в углу. А потом эта куча чуть шевельнулась и сказала тихим голосом:

– Заходи. Не бойся.

Голос был мужской, очень усталый.

– Кто ты? – свет из окна слепил глаза, и я толком не могла ничего разглядеть. – Это ты нарисовал дракона?

Он лежал у стены, положив под голову свернутую камуфляжную куртку и укрывшись драной вязаной кофтой. Высокий белый лоб, ввалившиеся, в синих прожилках, щеки, на подбородке седая неопрятная щетина.

Сильно пахло корицей, как всегда в присутствии Пыльцы. Я невольно поморщилась. По словам Бабули, в старые вре-

мена так пахли яблочные пироги, но сейчас никто, в здравом уме и доброй памяти, не возьмет в рот хоть что-нибудь с таким запахом.

– Не нарисовал. Я её вообразил, – наконец ответил мужчина. – Получилось?

– Она прекрасна, – ответила я, опускаясь на колени. Запыленный попытался улыбнуться и закашлялся.

Поспешно стащив рюкзак, я достала фляжку. В ней еще плескалось несколько глотков.

– Вот, выпей, – я протянула ему чай, но сообразив, что сам он не напьется, придвинулась ближе.

Обхватив горячий, со слипшимися потными волосами, затылок, поднесла к губам мужчины горлышко фляжки. Выпив всё, он благодарно прикрыл глаза.

– Спасибо.

– Не за что.

– Ты охотник, да? – бляха висела на видном месте, её нельзя было не заметить.

– Я тебе не враг, – поспешно заверила я. – Не бойся, – он опять улыбнулся. На потрескавшихся губах выступила сукровица.

– Мне уже поздно бояться. Всё. Спылился.

На это было нечего возразить: когда на щеках появляются синие прожилки, а глаза утопают в синеве вместе с белками и радужкой – верный признак. Своё он отпылил.

– Это ты сотворил единорога? – спросила я.

– Да.

– Хотел, чтобы он исполнил твоё желание?

– Желание? – удивился мужчина. Он даже попытался приподняться со своей подушки. – О чем ты говоришь?

– Ну... Считается, если единорог тебя подпустит и даст потрогать рог... можно загадать любое желание. И он его исполнит.

– И что? Он тебя подпустил?

Я опустила глаза.

– Нет. Убежал куда-то.

– Жаль. А... Какое у тебя было желание?

– Так. Хотела, чтобы он исцелил одного человека. На него наложили заклятье, и... – я посмотрела на Запыленного и замолчала. Тот вновь закрыл глаза.

– Прости, – тихо сказал мужчина. – Получается, он исполнил моё желание. Привел тебя.

– Меня? Но при чем здесь я?

– Было необходимо... Я хотел, чтобы кто-нибудь увидел картину. Это очень важно, чтобы её увидели. И еще... это, конечно, малодушие, но я... побоялся умирать в одиночестве.

Потянувшись, я взяла его за руку. Ладонь была холодная и легкая. Как бумага.

– Ты потратил свою жизнь на то, что просуществует всего один день. Ты же знаешь...

– Она исчезнет вместе с моей смертью, – он вновь открыл

глаза и я вздрогнула. То же самое выражение, то же отчаяние, было в глазах зверя. – Но я не мог по-другому. Очень важно, чтобы её увидели.

– А зверь с железными клыками? Он ведь тоже твой? Зачем?

– Прости. Не смог удержаться. Считай, что он охранял соковище... Надеюсь, ты с ним справилась?

Беда с этими Запыленными. Даже на пороге смерти они верят в сказки.

– Да.

Он долго молчал, а потом сказал:

– Красота. Осталось так мало красоты...

Я не поняла, что он имел в виду, и сказала первое, что пришло в голову.

– Ну, не так уж и мало. Есть небо и солнце, и облака, и дождь. И деревья, и цветы... Мир очень, очень красивый. Просто надо уметь видеть.

– Уметь... видеть.

В его ладони, бессильно лежащей на полу, появился цветок. Ярко-красный, с шелковистыми лепестками и черной серединкой.

– Возьми, – сказал он. – На память.

Я осторожно обхватила твердый гладкий стебель, поднесла цветок к лицу... Он пах солнцем и травой, и немножко

медом. Через мгновение в воздухе закружили яркие искры, и мак рассыпался.

Мужчина теперь лежал совершенно неподвижно.

– Ну, вот и всё, – тихо сказала я и, протянув руку, закрыла ему глаза.

Жалко. Жалко, что больше никто не увидит картины. Жалко, что нельзя теперь найти единорога и загадать желание. Жалко, что магия – это всего лишь мираж, несбыточная мечта.

... Жаль, что не получилось помочь Бабуле.

Глава 3

Иван

Внутри было непривычно тихо. Не сновали по коридорам служащие с папками, не дребезжали, перебивая друг друга, телефоны, никто не бряцал победительно оружием и не ругался матом.

Будто мы вошли не в Агентство по борьбе за безопасность аномалий, а в сонный, доживающий последние дни, трактир. В затхлом прокуренном фойе жужжали мухи, а у стены, рядом с казенного вида дерматиновым диваном, дрых громадный пес. Когда мы проходили мимо, он, приоткрыв один глаз, негромко что-то буркнул, а потом равнодушно отвернул брылястую морду к стене.

Из окошка, как в самом обычном почтовом отделении, торчала седая, в букольниках, макушка.

– Любезнейшая... – позвал Лумумба, – Не подскажите, где найти господина главного начальника?

– Вдоль по коридору направо по ступенькам вниз налево первая дверь. – тетка отбарабанила заученную фразу, даже не подняв головы.

– Однако странные здесь порядки... – пробормотал учитель, направляясь в указанный коридор.

...В кабинете, над столом, висела лысина. Обширная, бледная и вся в маленьких коричневых пятнышках, она покоилась в жесткой сивой поросли, как гигантское яйцо в неопрятном, сложенном как попало, гнезде. Скрип двери, возвестивший наше появление, на лысину впечатления не произвел.

На столе располагались хрустальный графин, мутноватый, с отпечатками пальцев стакан, пачка разнокалиберных бумаг, древний бакелитовый телефон и тощий букетик карандашей в стеклянной банке.

По бокам топырились локти, одетые в черные лоснящиеся нарукавники. Ладони прикрывали уши владельца лысины. Они были пухлые, как подушки – возможно потому он и не слышал ничего, что происходило в комнате.

Лумумба, заложив руки за спину, принялся рассматривать картинки, развешанные на одной из стен. Что он там увидел под вековым слоем пыли – непонятно.

Я было примерился вежливо постучать по столу, но тут зазвонил телефон. Звук его, пронзительный и громкий, всколыхнул воздух в комнате, а заодно вернул к жизни лысину. Она вскинулась, человек под ней, оказавшись курносым и веснушчатым, с жирными, будто он только что ел сало, губами, схватил трубку и заорал в нее что есть мочи:

– Ну! Что? Это точно? – из телефона темпераментно запищало. – Дьявольщина! – лысый бросил трубку и увидел нас.

Наставник мой к тому времени сидел, нога на ногу, в кресле для посетителей, я же чинно пристроился у него за спиной. Лысый протер глаза.

– Вы... Кто вы? – спросил он хрипло.

– Плохо работаете, – поругал его Лумумба. – Гнать вас надо с должности. А предварительно, непременно принародно, высесть, – мужичок побагровел и выпучил глаза, став похожим на разгневанного карася. – В вверенном вам округе, милейший, объявился Сказочник, – неумолимо продолжил учитель. – Мы зафиксировали попытку превращения в козла. Жертва скончалась на месте! Но это еще не всё... По дороге к вам мы подверглись нападению, – мужик только хлопал веками, явно не понимая, что от него хотят. – В нас пустили файербол! Прямо на улице, при всем честном народе! Вы что тут, вообще мышей не ловите? Да вам трибунал светит, милейший, за такое попустительство...

Лысый наконец смог набрать воздуха и заорал в ответ:

– Да кто вы такие?! Кто пустил!?! – багровые щеки его затряслись, изо рта полетела слюна, и я испугался, как бы несчастного не хватил удар. Явственно пахло перегаром.

Наставник, по-моему, тоже обеспокоился. Вытащив из графина пробку, он плеснул в стакан и протянул его через стол. Лысый принял. Выпил мелкими глотками, выдохнул, занюхал рукавом... Вновь пахло перегаром, глаза мужичка посоловели. Однако! Вовсе не водичку на рабочем месте употребляет начальник местного отделения АББА...

– Привет вам от Товарища Седого, – мягко сказал Лумумба, когда лысый наконец свел глаза в кучу и перестал задыхаться. – Разрешите представиться: старший оперуполномоченный, майор Базиль М'бвеле. Это, – он кивнул через плечо, – мой стажер и напарник, Иван Спаситель. Наставник показал ему корочки.

– Бэ-э-э... – лысый впал в ступор, поводя рыбьими глазами с меня на Лумумбу.

– Вам должна была прийти телеграмма, – помог я из-за спины наставника.

– Не было никакой телеграммы! Знать ничего не знаю, ведасть не ведаю... Никакой телеграммы в глаза не видел!

Он замахал на нас руками, будто таким образом намеревался развеять наваждение.

– Тем не менее мы здесь, и факта этого уже не отменить, – констатировал Лумумба, постучав костяшками пальцев по столешнице. Голос его зазвучал монотонно, в такт ударам. – Успокойтесь, мы не причиним вам вреда, – стук, стук... – Мы вам поможем... – стук – стук, – Всё будет хорошо... – стук – стук... Мы ваши друзья... Мы приехали, чтобы вам помочь...

Лысый начал расслабляться. Плечи его чуть опустились, со щек отхлынула багровость, к глазам вернулась осмысленность. Наконец он достал платок и вытер им лицо. Трубно высморкался, скомкал тряпицу и вновь запихал в карман.

– Извините, господа. Стресс. Я действительно не помню

телеграммы.

– Ничего. Мы вас прощаем, – великодушно кивнул учитель. Стучать он перестал.

– Спасибо... Как, вы сказали, вас зовут?

Лумумба повторил. У Лысого глаза вновь съехались к переносице.

– Спаситель, – буркнул он. – Это шутки у вас такие?

– Да какие уж тут шутки. – я пожал плечами. – Детдомовские мы. Были у нас, например, Ирка Евангелие, Ленка Псалтирь, Илюха Первосвященник, Мухаммед Богородица... Даже Мойша Святой Мученик.

– Мой стажер воспитывался при Пастафарианском монастыре, – пояснил наставник. – Их макароннейшие преподобия принимали большое участие в спасении детей-беспризорников, оставшихся в живых после Распыления. Нарекали же сирот в силу своего иронического отношения к юдоли скорби, коей является наш мир.

Лысый покорно кивнул. Наливая очередную порцию из графина – руки его уже не тряслись, – он с надеждой спросил наставника:

– Выпьем?

– Благодарствую, – прикрыл глаза наставник. – Мы сыты.

– А я выпью, – он быстро опрокинул стакан в пасть. – Если не возражаете...

– Чего уж там, – милостиво разрешил учитель. – А теперь поведайте, милейший, что привело вас в столь пограничное

состояние. И заодно представьтесь, окажите такую милость. А то как-то...

– Шаробайко. Хрон Монадович, – грохнув стаканом о стол, Лысый вытянулся во фронт. – Временно исполняющий обязанности начальника местного отделения.

Кроме лысины, исполняющий обязанности был примечателен тем, что имел объемистый круглый живот в пиджаке с одной уцелевшей пуговицей. Под пиджаком, кроме прочего, имелись мятая косоворотка в горошек, толстая красная шея и целых три подбородка, покрытые небритой щетиной. Росту в нашем новом знакомом насчитывалось максимум сантиметров сто пятьдесят пять.

– Садитесь, – разрешил Лумумба. – И докладывайте.

Шаробайко разрешением пренебрег, а вместо этого заматался в узком пространстве меж столом и подоконником.

– Мать Драконов, – выдавил он из себя на ходу, ломая руки. – Ведьма чешуйчатая! Требуется выкуп: десять тысяч монет и фураж для тварей, – остановившись, он затравленно посмотрел в потолок. – А у меня денег нет! Казна уже восемь месяцев пуста, шаром покати! А жратва? Где я ей столько возьму? Фермеры – народ несознательный, за скот денег требуют! Не понимают, что ежели она драконов спустит – им первым достанется...

– Между прочим, вам в обязанности вменяется пресекать воздействия, а не платить выкупы, – заметил Лумумба, флегматично рассматривая ногти.

– Пресекать? – Шаробайко вновь начал надуваться. – А каким макарон, не подскажите, уважаемые господа начальники? Вы слышали про Новый Оскол? То-то и оно! Никто не слышал. Налетели твари огнедышащие, и спалили город к свиньям собачьим. А потом фьюить! И гуси-лебеди... – упав на стул, он принялся вытирать порядком уже замызганным платком шею и лысину. – У меня в штате – сорок единиц охотников. И все, как один, пребывают за девяносто верст отсюда! – поведав эти важные сведения, Шаробайко плеснул себе из графина, но пить не стал, а мрачно уставился в стакан. – Рядом с Перебеевкой объявился большой отряд имперских боевиков, – пожаловался он. – Голов около двухсот. Терроризируют местных жителей, скотину режут... Вот я и послал ребят. А тут – она. Стер-р-рва.

– Почему у вас в штате всего сорок единиц, когда положено сто пятьдесят? – поинтересовался наставник, всё еще делая вид, что занят ногтями. – И содержание, насколько я помню, вам выделяется на полный штат. А вы говорите – денег нет...

– Содержание, – Хрон Монадович нервно хрюкнул. – Того содержания на дырку от бублика. Это вам не Москва! Каждый рейд обходится... – закатив глаза, он начал загибать пухлые пальцы. – За патроны оружейники дерут, обмундирование, опять же... Почитай, каждую смену что-нибудь у них рвется, да броники – кто ж в рейд без броника сунется? Да сухпак... Прожорливые эти охотники – ужас. Лечение за

наш счет...

– Ясно. Но почему так мало людей?

– Охотником нынче быть не выгодно – это вам не пять лет назад... Сейчас все в фермеры идут, да на свалку, к механикам. Еще на винокуренные заводы – там завсегда рабсила нужна, и платят хорошо. К нам только самые пропащие и попадают. – он опять горестно хрюкнул. – Работа опасная, непредсказуемая. Да и немного её стало, что греха таить. Мать драконов – отдельный случай...

– Вам по штату положен маг. Почему его не привлечь к поимке Матери Драконов?

– Нету у нас мага. Был, да весь вышел. Спылился.

– А наркотик?

– А... Что наркотик? – Шаробайко вновь начал багроветь.

– Вы утверждаете, что маганомалий всё меньше, когда мы за одно только утро видели три...

– Три аномалии за день – это действительно мало. – он устало потер уши. – Можно сказать – ничего. В открытую-то Пыльцой не торгуют...

– В открытую? – Лумумба сделался вкрадчив, как леопард. – И вы считаете, это большое достижение? При том, что наркотик в стране запрещен, и использование оного преследуется законом!

– Ну и где он, ваш закон? – устало спросил Шаробайко. – Где? – он картинно отдернул тяжелую, битую молью, бархатную портьеру, в воздух взвились клубы пыли. – Нету его,

нету! Здесь вам не Москва. У нас здесь свои законы! Я же говорю: в штате – сорок единиц на весь район, а это: город со стотысячным населением, да округ – около двухсот деревень... Только и можем, ликвидировать последствия по мере сил!

– Может, с головы надо начинать? – тихо подсказал я. – Устранить источник распространения, тогда и аномалий не будет...

– Ох вы там, в Москве, какие умные! – Шаробайко откинулся на спинку и вновь плеснул себе водки. Выпил, глаза его на мгновение остекленели. – Нету одного источника. Одну точку накроешь – три других возникают. Всё равно, что в плотине дырки пальцами затыкать...

– А полиция? – перебил Лумумба. – Куда смотрит градоначальник?

– В-основном, в рюмку, – глумливо усмехнулся исполняющий обязанности. – А по вечерам – на голые ляжки танцовщиц в Зеленом Пеликане, – говорил он это с какой-то остервенелой завистью.

– Налоги... – подсказал учитель.

– Я вас умоляю! Централизованной власти, как таковой, в городе не существует, всё мало-мальски ценное находится в руках частных предпринимателей: Господин Ростопчий, хозяин свалок. Господин Дуринян, промышленник и торговец... Мадам Елена, королева наша, благотельница... Вот уж кто не выносит даже намека на Пыльцу! Только благодаря

им, Отцам, так сказать, и держимся на плаву.

– Ладно, что там с Матерью?

Я всё ждал: когда ж Лумумба к этому вернется? Иногда какой-нибудь торчок, возомнивший себя магом, пытается наколдовать драконов. Но жизнеспособных особей, а тем более, летающих и огнедышащих, насколько я помню, ни у кого не получалось.

– С Матерью? – растерялся Шаробайко. – Да никак. Я к ней гонца отправил, с нижайшей просьбой повременить чуток – пока дань, мол, насобираем... День-два мы её промурыжим, а там, глядишь, мои молодцы вернутся, и...

– С вами всё ясно, милейший, – учитель поднялся. – Но напоследок... – Шаробайко втянул голову в плечи. – Порекommenдуйте, будьте любезны, постоялый двор без клопов и ресторан, в котором не подают крыс.

– Да вот... – развел руками Хрон Монадович, – Гарцующий Пони, на Пригорной. Там и гостиница и харчевня. А вы что же... – он замялся. – Задержаться надумали?

– Там видно будет, – приложив два пальца к шляпе, Лумумба направился к двери.

На улице была лепота. Солнышко пригревало, в луже, прямо посреди дороги, барахтались воробьи, а на крылечке соседнего дома, не обращая на птах никакого внимания, умывалась откормленная кошка...

– Ты, Ваня, дуй на почту, – распорядился Лумумба. – Там

почтовая карета, – он сверился с репетиром, – Аккурат сейчас прибывает. Заберешь вещи. А я – в гостиницу. Осмотрюсь, закажу обед... Давненько мы с тобой горяченького не едали, а, стажер? Супчику, куриного, да с потрошками!

В животе тоскливо забурчало: не иначе, в предчувствии беды. Аппетит пропал.

– А как же Мать драконов?

– Завтра, – решил Лумумба. – После трех суток дороги бойцы из нас с тобой – аховые. Так что завтра. С утра пораньше.

Глава 4

Маша

Дома было тихо. Не носились с воплями близняшки с самодельными луками из ивовых прутьиков, никто не напевал на кухне, готовя завтрак, никого не распекали за невымытые уши и сбитые коленки. Даже воздух был стоячим, неподвижным.

Значит, изменений к лучшему нет.

Вздохнув, я потопала в ванную. Нужно снять грязный комбез, почистить оружие, и, самое главное, вымыть голову. До сих пор от волос зомбятиной несет. Бросив рюкзак на пол, я взялась за молнию на куртке. Дверь распахнулась.

Бабуля выглядел плохо. Хуже, чем вчера, когда я уходила на дежурство. Глаза ввалились, на висках залегли синие тени. В вороте растянутого свитера виднелись косточки ключиц – кожа натянулась так, что было видно, как у горла бьется нервная жилка. Пегие волосы собраны в аккуратный хвост, к длинному подбородку прилепился кусочек бумаги. Значит он нашел в себе силы побриться.

Окинув меня тревожным взглядом, как бы подсчитывая: голова – одна штука, руки – ноги в достаточном количестве, глаза, уши – на месте, – Бабуля спросил:

– Почему так долго?

– В магазин заходила, – было больно на него смотреть, и я отвернулась, сделав вид, что увидела что-то жутко интересное в зеркале. – И в аптеку. Вчера премию выдали, за динозавра, так что я купила лекарств.

– Как раз вовремя, – Бабуля немного приободрился. – Близняшки всю ночь прокашляли, да и Ласточке не становится лучше. Я надеялся на перелом, но...

– Всё будет хорошо, – оторвавшись от зеркала, я расстегнула рюкзак. – Вот стрептомицин и две дозы ампициллина. Предлагали Магаклон. Он, конечно, дешевле, хватило бы доз на пять-шесть, но я...

– Всё правильно. Ты молодец, – Бабуля потрепал меня по волосам. А потом, как ему казалось, незаметно, вытер руку о джинсы. – Если не возражаешь, обе дозы я оставлю для Ласточки. Близняшкам хватит стрептомицина.

На мгновение я почувствовала душевный подъем: Бабуля со мной советуется. Как с равной. Как с добытчицей. Но тут же сникла: значит, он понимает, что на грани. Таким способом он просто дает понять, что скоро решать буду только я.

Поддавшись порыву, привстав на цыпочки, я обняла его за шею. Вдохнула смесь крепкого одеколона и табака с примесью земли и листьев... Над всем этим витал легкий, едва ощутимый металлический душок. Кровь.

– Я обязательно что-нибудь придумаю, – сказала я ему в шею. Бабуля отстранился. Взяв меня под мышки, легко под-

нял и перенес на коврик у ванны.

– Ты о чем? – спросил он так, будто речь шла о новом способе заряжать ружье.

У меня непроизвольно дернулась щека. Непонятно, то ли улыбнуться, то ли заплакать.

– О близняшках, конечно же, – всё-таки удалось превратить нервный тик в улыбку. – Я пельменей купила, представляешь? Из того самого дракона. Побалуем наших больных деликатесами... Поставь, пожалуйста, воду, пока я тут отскребаюсь.

– Да уж помойся, как следует, – Бабуля демонстративно почесал нос. – Представляем новый парфюм: "Гниющий зомби". Превалирует запах падали, так же угадываются нотки мокрой псины, березовых сережек, речного ила... – он прикрыл глаза, принюхиваясь. – И смерти.

– Где ты была? – вопрос звучал жестко, повелительно. Я набрала воздуха, и... выдохнула.

– Ты о чем? – невинно спросила, хлопая ресницами, и чуть приподняв бровь. Бабуля нахмурился, на мгновение напрягся... а потом расслабился.

– Пойду ставить воду, – вышел и прикрыл за собой дверь. Один-один. – думала я, сдирая комбез. – Ты не хочешь, чтобы лезли в твою личную жизнь, а я не хочу, чтобы в мою...

Бабуля подобрал меня пять лет назад. Прыгая через за-

бор, я сломала ногу. Воевали с Ночными Снайперами – другой, более сильной и многочисленной бандой, и потеря боеспособности стала приговором. Я умудрилась заползти в какой-то подвал и Снайперы меня не заметили. Но выбраться сил уже не нашлось. Мне было десять, я как раз получила свою первую татуировку, и очень ею гордилась...

Бабуля обнаружил меня, патрулируя Окраины. Подобрал озлобленного, одичавшего звереныша, он, в прямом смысле слова, сделал из меня человека. Научил читать и писать. Охотиться...

Вытирая голову полотенцем, читала послание от Шаробайки. Всучили его утром, вместе с премией, и, чтобы конверт не мешал пересчитывать монетки, я сунула его в карман рюкзака, к лекарствам. И забыла. Нашла только сейчас, в непромокаемом кармане с антибиотиками.

Думала, это очередная бюрократическая лажа "об увеличении срока годности бронежилетов", или "о вторичном использовании патронов"... Наш начальник любит нелепые формуляры. Наверное, придают его жизни смысл.

Конечно, ведь бумаги-то завались, перерабатывающие заводы Ростопчия дымят днем и ночью...

Но в письме речь шла о некой Матери Драконов. Причем, это был не стандартный, отпечатанный на машинке текст. Со слов, неумело накарябанных пером, во все стороны летели брызги – значит, Шаробайко лично, так сказать, снизо-

шел. После всех приключений сегодняшнего утра это выглядело очень подозрительно... Особенно, сумма, проставленная прописью в конце.

Почувствовав соблазнительный запах, мой живот утробно заурчал. Запихнув письмо в карман халатика, я, теряя тапки, галопом рванула на кухню. Из Бабули кулинар еще хуже, чем из меня. Мало ли, как он пельмени изуродует.

Но, к счастью, учитель справился. С каким-то ностальгическим видом он стоял у плиты, помешивая шумовкой в самой большой кастрюле. Увидев меня, смущенно улыбнулся:

– До Распыления я только пельменями и питался. Самая для программера была сытная и доступная еда... Кроме яичницы, конечно.

– А яйца тоже драконьи? – спросила я невинно. Бабуля фыркнул, но потом скроил строгое лицо.

– Следите за языком, барышня. Вы прекрасно знаете, что до распыления драконы на Земле не водились.

Я прикусила язык. Ведь хотела сказать о динозаврах, а не о драконах! Как они с языка-то сорвались? Если Бабуля заметит – ни в жисть не отстанет, пока всю правду не вытрясет. А о Шаробайкином предложении я ему говорить точно не собираюсь: на Мать Драконов он меня не отпустит. Запрет в подвале, и ключ выбросит. Он вообще не хотел, чтобы я в агентство устроилась. Особенно после того, как сам охотиться перестал... Но больше меня никуда не хотели брать – татуировки говорили о беспризорном прошлом, а считалось,

и весьма обоснованно, что дети, выросшие на улице, совсем без башни.

Обед прошел мирно. Обоим не хотелось заострять внимание на скользких вопросах, так что я вкратце рассказала, как прошло дежурство, а Бабуля поведал, как он ухаживал ночью за близнецами, Сашкой и Глашкой.

На самом деле, никакие они не близняшки, а последняя находка Бабули. Глашку год назад нашел на выеденном вурдалаками хуторе, а Сашку подобрал в окраинах, на свалке. Были они примерно одного возраста, вот и стали не разлей вода... Только у Глашки головенка вся седая – натерпелась, пока от бывших своих родителей в погребке пряталась, а Сашке нельзя было давать в руки спичек: так и закатывался, увидев огонь.

Поднимаясь по лестнице в комнату Ласточки, я думала: может, он вовсе никуда и не убежал? Может, Бабуля выглядит изможденным потому, что всю ночь просидел с больными...

Ласточка выглядела хуже, чем вчера. Веки стали совсем прозрачными, скулы заострились, серебряные волосы вялыми прядями змеились по подушке. Поставив на тумбочку миску с пельменями в бульоне, я присела к ней на кровать. Взяла горячую узкую ладонь.

– Привет, – она открыла глаза и слабо улыбнулась. – Как

ты, подружка?

– Всё путем, не ссы, – упершись локтями, она попыталась привстать, но упала назад.

Я помогла ей сесть, поправила за спиной подушку и протянула миску, от которой шел аппетитный пар. Ласточка вяло взялась за ложку.

– Близняшки? – спросила она.

– Бабуля их накормит.

Я специально подстроила так, чтобы побыть с Ласточкой наедине. Нужно о многом поговорить.

– А ты? – она никак не могла донести ложку до рта, и я, придерживав ей локоть, помогла.

– Я уже. Харчись.

Съев несколько штук и выпив бульон, она бессильно откинулась. Но глазами продолжала следить за мной.

– Что? – наконец спросила она.

– Я, кажется, знаю, как помочь Бабуле, – у Ласточки вспыхнул взор. Губы беззвучно подтолкнули меня продолжать. – Новое задание от Шаробайки сулит две тысячи монет. – подруга нашла в себе силы иронично поднять бровь.

– Расщедриться на такие деньги наш начальник может только в одном случае: если не собирается заплатить, – сказала она.

– Или когда у него нет другого выхода, – она опять открыла глаза. – Охота на дракона. – пояснила я. Ласточка закрыла глаза.

– Ты серьезно? – спросила она. Я показала письмо.

– Даже печать стоит, видишь? Не отвертится.

– Скажет, что подделка. В кабинет любая собака войти может.

– Ну, не одну же меня он пошлет... динозавра-то всей артелью валили.

Не хотелось сейчас делиться с Ласточкой историей про единорога. Она – прирожденный скептик, не верит ни в мистику, ни в счастливые совпадения. Честно говоря, я просто боялась, что она меня отговорит.

– Это единственный выход, – сказала я. – Амулет тыщу монет стоит...

– Соглашайся, – сказала она.

И привстала, вцепившись мне в руку с неожиданной силой.

– Он опять убежал. Уже на рассвете, и пропал совсем недолго. Но вернулся весь в крови – я видела в окно. Ты, когда шла домой... ничего такого... не слышала?

Я знала, о чем она: мы всё время боялись, что он не выдержит, зайдет в ближайший дом и... Я покачала головой.

– Нет. Всё было тихо. Наверное, кролик. Или курица.

– Будем надеяться, – Ласточка опять упала на подушки. – ты же знаешь, если б я могла, я бы пошла вместо тебя. – сказала она.

– Вместе, – поправила я. – Мы бы пошли на дракона вместе.

Я представила, как это могло бы быть и улыбнулась.

– Было бы круто, да? Мы плечом к плечу у мачты, против тысячи вдвоем... – пробормотала Ласточка.

– Ничего страшного. Пойдешь со мной в следующий раз. На наш век драконов хватит.

Она закашлялась, прижав рукав ночнушки к губам, а потом, глядя на красные пятна на ткани, усмехнулась.

– На твой – наверняка. Глупость какая: подхватить красную в моем возрасте...

Я вскочила.

– Совсем забыла! – откинув торжественно тряпочку с блюдца, я гордо сунула ей под нос шприц с беловатой жидкостью. – Оголяйте ягодицы, мадам. Вас ожидают приятные минуты.

– Сколько ты за него отдала? – цепко глядя на шприц, спросила Ласточка.

– Неважно. И вообще, нам премию дали, так что отставить соплю в сиропе.

Ночью Бабуле опять было плохо. Я долго слушала, как он мечется у себя в комнате и глухо рычит, колотя в стену кулаками. Потом затрещала раздираемая ткань, хлопнула рама окна...

До самого рассвета я так и не могла заснуть, так что, едва краешек солнца показалось над рекой, вышла из дому и, решительно поправив лямки рюкзака, зашагала к складу. Па-

троны у меня еще вчера закончились и подметка правого берца скоро каши запросит, так что, если повезет, затарюсь до наплыва охотников.

Склад был заперт.

Походив пару минут вдоль огромных дубовых ворот, я задумалась. На щедрое предложение Шаробайки должны были откликнуться почти все. Шутка ли, две тысячи монет! Кроме того, в глубине души каждый мечтал поохотиться на дракона. По себе знаю.

Соскучившись, я постучала в окованную железными полосами створу.

– Эй, Егорыч, открывай! – ничего. Развернулась спиной и заколотила каблуком.

А в ответ – тишина...

Мне стало не по себе. Склад не закрывался никогда, даже ночью. Особенно ночью... Егорыч здесь жил. За шторкой стояла походная армейская кровать, имелась запас консервов, примус с чайником и сковородкой. Мало ли что кому понадобится? Бывало, поднимут в три утра по тревоге, и летишь на склад – взять запас патронов, да пару фугасов, да огнемёт в любой момент может пригодиться...

– Ты чего буянишь? – я повернулась. Ну конечно, только их мне и не хватало. Двое самых отмороженных охотников: Обрез и Таракан.

– Склад закрыт, – буркнула я и опять заколотила в двери

кулаком. Если эти пришли, значит, и другие скоро подтянутся. Грош цена тогда моему преимуществу.

– Странно... – пробормотал Таракан. – Он же круглосуточный.

– И я об том же, м-мать моя девственница...

На Обреза я старалась не смотреть. Все эти дни, что прошли с охоты на динозавра, я старалась о нем не думать. Уговаривала себя: ну что Обрез? В наряды мы вместе не ходим, в конторе почти не пересекаемся... Остынь, плюнь и забудь. Бывает.

И только я себя почти уговорила, он – тут как тут. Непруха.

Стукнув несколько раз изо всех сил, я затрясла отбитой рукой.

– Давай, помогу. А то что-то ты тихо стучишь, – и непонятно, издевается он, или всерьез.

– Отойди, – еле сдерживаясь, я отпихнула его от себя. – Отойди сам, или я тебе все коленки повыдергиваю.

– Витаминов не хватит, – осклабился тот, и придвинулся еще ближе.

Молча размахнувшись, я вlepила ему кулаком по морде. Точнее, собиралась вlepить, но Обрез перехватил руку.

– У тебя что, совсем крыша протекла? – выкручивая мою запястье, этот гад еще и ухмылялся.

– Ты в меня из огнемета палил. Идиотина косоглазая, криворукая... Да я тебе сейчас глаз на задницу натяну...

– Сама дура. Стояла, ушами хлопала. Я не виноват, что ты на линии огня оказалась.

– Не виноват? Думаешь, по своим палить – норм? – я одновременно пыталась освободиться и пнуть его по коленке. Но у Обреза руки были длиннее. – Отморозок.

– Я ж тебе говорил: динозавр на дуло наступил, оно и погнулось... – меня аж затрясло. Отойдя на пару шагов и прикидывая, куда сподручнее бить, я пообещала тихим шепотом:

– Я тебе сейчас х...х... хвост погну. И вместо ноги приклею: так и будешь по жизни гнутый ходить.

А ну ша, малявки. – Таракан встал между нами. – Нашли время...

– Он в меня из огнемёта палил, псих недоделанный, ведро без ручки. Обогнув Таракана, я вновь попыталась достать Обреза. – Знаешь, как его в народе зовут? Катастрофа ходячая. Всё у него через жопу, только ты, Таракан, этого не замечаешь. Я бы ни в жизнь его в напарники не взяла – еще в спину стрельнет...

Обрез сплюнул.

– Да нужна ты больно, пигалица кургузая. Хотел, как лучше...

– Чтоб у тебя в печени вши завелись и все кишки съели.

– А у тебя – тараканы из мозгов вывелись! Метр с кепкой на коньках, а всё туда же: в охотники...

– Заткнитесь, оба, – Таракан вlepил напарнику затрещи-

ну. – Никто ни в кого не стрелял. Это был несчастный случай. Так, Витяй?

– Дак я ж и говорю...

– Он мне чуть волосы не спалил, – сказала я тише. – Кусок идиота.

– Маша, сейчас тоже получишь. Помолчи...

Я втянула полные лёгкие воздуха и задержала дыхание. Посчитала до десяти. Бабуля велел учиться сдерживаться. Он говорил, за это меня и не любят: бешенство нрава вкупе с мелким ростом вызывает в людях здоровое предубеждение.

Бешеная моська, говорил Бабуля. Будь спокойней, и люди к тебе потянутся... Ага, как же. Пыхнут из огнемета, и не заметят.

Я не привыкла быть милой. В банде это как-то не способствовало выживанию. Там было всё наоборот: не важно, какого ты роста. Главное, кричать погромче и ругаться позаковыристей. Один раз Бабуля мне рот даже мылом намылил. И самое обидное, как раз этот последний кусочек я для волос берегла...

– Почему склад закрыт? – наконец спросил Таракан.

– Ты сказал молчать.

– Не придирайся к словам. Так почему?

– У меня столько же информации, как и у вас.

– Чего шумите? – в двери открылось небольшое окошко, в

которое просунулся конопатый нос. – Стучите, орете, спать добрым людям мешаете...

Обрез ловко ухватил этот нос и стал выкручивать.

– Открывай, добрый человек, – ласково попросил он. – Потом поспишь.

– Отпусти! – гнусаво заканючил нос.

– Откроешь – отпущу.

...вот всех по тревоге и подняли. Боезапас и амуницию выгребли подчистую, ничего не осталось. – закончив рассказ, мальчишка развел руками. Было на вид ему лет двенадцать, белобрысая голова светилась в полумраке склада, как новенькая серебряная копейка. – Так что дедуля отдохнуть решил, в кои-то веки на рыбалку сходить. Всё равно, говорит, пока охотники не вернуться, тут делать нечего... Ну, а меня за охранника оставил.

– Охранник, – сплюнул Обрез и ткнул пацана в грудь. – И много ты тут наохранял? Поди на сторону патроны спихиваешь, пока дед не видит...

– Виктор! – осадил его Таракан. – Не груби. – он вновь повернулся к мальчишке. – Какие, говоришь, штурмовики?

– Имперские. Бластеры у них – ого! Сквозь любую броню дырки прожигают. Уже две деревни спалили.

– Да с чего ты взял? – я не могла поверить. Как так-то? Всех в рейд отправили, и только нас троих забыли?

– Митька слободской говорил. У него – мотик на кукуруз-

ном масле.

– И что?

– Хрен через плечо. Митяй, как про штурмовиков услышал, прыг на мотик, и туда... Обсмотрел их со всех сторон. И шлемы белые, и доспехи... Всё, говорит, как в кино... Идут цепью и палят во всё, что шевелится.

– У меня другой вопрос, – задумчиво сказал Обрез. – Почему нас не позвали? Пигалицу эту рыжую – понятно, но нас?

– Может, надоело за идиотами доморощенными косяки подчищать?

– Маша, не заводись, – попросил Таракан. – А вопрос хороший. Ты где вчера вечером была?

– Дома.

– А мы на охоте, – поджал губы Обрез. – В реке по-за городом цзяоженя видали. Нас в наряд и отправили. До полуночи в засаде просидели, как дураки. И ни сном ни духом...

– Покажи-ка письмо, – Таракан требовательно протянул руку. Я отдала.

– Мать Драконов, – прочитав бумагу, кивнул Таракан. А потом посмотрел на Обреза.

...Никто не знает, откуда она взялась. Но несколько лет назад пошли слухи: появился маг, который может кастовать драконов.

Драконы. Это ведь не какие-то там орки недоделанные.

Или даже штурмовики. Говорят, они могут спалить целый город за несколько часов, а питаются целыми коровами. Просто глотают, не жуя.

– Подождите! – я не выдержала. – Что же получается? Всех за город послали, а нас специально в резерве оставили? Чтобы мы, втроем, с драконами разбирались?

– А ты что от Шаробайки хотела? – спросил Обрез. – Чтобы он всем встречным и поперечным по две штуки башлял? Неужели сбываются Ласточкины дурные пророчества?

– Ну, не специально же он всех из города угнал... – в это я точно не поверю. Есть же границы.

– Да нет, конечно, – сказал Таракан. – Просто совпало так. Бывает. И имперские штурмовики, и Мать... У него выхода не было. Зря вы на начальника гоните, Хрон – мужик неплохой.

– Ага, – кивнул Обрез. – Только хитровы...чурный. Думает, если мы Драконику завалим, он малой кровью отделается. А если она – нас...

– Тоже плакать не станет, – согласилась я. – Интересно, а почему именно мы?

Я имела в виду, что нас троих, наверное, меньше всего ценят: я – рыжая пигалица, метр с кепкой, к тому же – бывшая бандитка, а Таракан с Обрезом – самые безбашенные. Им море по колено... Но Обрез понял по своему.

– Ну, мы-то понятно, почему. За нами и скилла, и симфа-

лийские птицы, и мантикора, и еще много кого. Опыт, сын ошибок трудных. А вот ты?

– А она стреляет лучше всех. – оборвал Таракан.

– А еще мне деньги нужны, – тихо добавила я. – Шаробайка знал, что я по-любому не откажусь.

– Ладно, – Таракан кивнул на Егорычева внука. Мальчишка, тихий, как мышонок, замер с открытым ртом, ловя каждое слово. – Раз на складе нет ничего, пошли отсюда. – и направился к выходу. – Маш, ты с нами?

Сожгут нас к Едрене-фене, и косточек не оставят.

– А куда я денусь?

В "Трёх Пескарях" было людно: все столики заняты, у раздачи длинная очередь. Пахнет жареной рыбой и блинами. В желудке сразу забурчало. Пельмени, от вчерашнего ужина оставшиеся, я для болящих сберегла, позавтракать не сподобилась. Единственная сложность: денег у меня – две полушки с четвертинкой.

– Я угощаю, – вдруг сказал Таракан, подталкивая меня к раздаче. Наверное, заметил мои колебания.

Вообще-то, по харчевням мы с Ласточкой никогда не шастали – каждую копейку сберечь старались. Только Бабуля ходил, иногда. Пообщаться с охотниками и выпить кружечку...

Пожав плечами, я взяла поднос: от халявной еды точно отказываться не буду. У меня вообще аппетит хороший,

несмотря на недорост. Многие удивляются: и куда только влазит? Бабуля говорит, такой синдром развивается, если много голодать пришлось...

– И что ты предлагаешь? – спросила я Таракана, как только мы устроились за столиком и расставили тарелки. Рыбка была мелкая, зажаренная вместе с хвостиком и плавничками, и к ней прилагалась целая гора жареной картошки. А таких гречаников я в жизни не пробовала...

– Купим боеприпас сами.

Я подавилась. Прокашлявшись и дождавшись, пока схлынет злость, и на язык перестанут прыгать те самые слова, за которые мне рот мылом мылили, я посмотрела на Таракана.

– Я сказала, что хочу заработать, а не потратить.

– У нас нет выбора. Мать драконов ждать не будет. – Таракан взял стакан со сметаной, и вылил половину на блины.

– В смысле не будет?

– Завтра, самое позднее – послезавтра, она нападет.

– Может, это заставит власти раскошелиться?

– Может. Если от них хотя бы головешки останутся. Впрочем как и от всего города.

Я замолчала, переваривая услышанное. Вспомнилась картина: зеленый дракон, парящий над рекой. Художник потратил остатки жизни на то, чтобы её нарисовать. Он сказал: – Я не мог иначе. В Запылении он увидел будущее...

– Может, в слободе нам хотя бы патронов дадут?

Тяжелое, глухое отчаяние заставило желудок сжаться, выталкивая только что съеденное назад, в горло. Если распрошусь заначку – Ласточка меня убьет. Целый год мы с ней копили – копили, а тут...

– Ага, щас, – хмыкнул Обрез. – Воображаю: идем мы к оружейникам и говорим: так мол, и так, Мать Драконов. А они – цену в три раза против прежней! Потому что у нас выхода нет.

– Но... Почему? Она же всему городу угрожает!

– Да плевать им на город. У оружейников – бункера бетонные, со стальными дверьми. На атомный взрыв рассчитанные. Спрячутся и переждут.

– Шаробайка-то, небось, знал, что склад пустой, – я никак не могла поверить, что начальник мог так поступить.

– Это он на Тару рассчитывал, – пояснил Обрез, отправляя в рот целую кипу блинов. – Тара – он такой. Последнюю рубаху снимет.

– Не бренчи, Витюша, – Таракан, между прочим, за едой пользовался вилкой и ножом. И салфеткой.

– А чего я, не прав, что ли? – возмутился тот. – Ты ж уже всё решил. И заначку достал, я сам видел.

– Кто не хочет – может отказаться, – глядя ему в глаза, сказал Таракан. И повернулся ко мне: – Тебя тоже касается.

Я задумалась. Мать угрожает всему городу. А значит, и

близняшкам, и Ласточке, и Бабуле. Он, правда, если узнает, во что я ввязалась, шкуру спустит. Но ведь...

– Как вы думаете: гонорар и вправду выплатят, хотя бы потом? – понимаю, вопрос звучит жалко, и даже меркантильно. Но прямо сейчас это для меня – самое важное. А Обрез опять ржет:

– Держи карман шире! Догонят, и еще приплатят.

Таракан, доев рыбу, отодвинул тарелку, выпил компот, затем вытер салфеткой губы и руки, и только после этого посмотрел на меня.

– Денег в казне нет, – сообщил он.

– Нет?

– Нет. Но есть альтернатива. Точнее, на эту идею меня натолкнул Хрон...

– Да уж он толкнет, – опять встрял Обрез. – Лететь будешь дальше, чем видишь.

– У Матери Драконов должно быть золото.

– Золото? – мы дружно уставились на Таракана.

– Ну подумайте: наш город – далеко не первый, к кому она пришла за данью. Бароны ей платили, и платили щедро.

– Ага, щас, будет она монеты с собой таскать, – скривилась я. – А где гарантия, что она их не зарыла, например?

Очень, очень хотелось, чтобы Таракан меня убедил. В голове звенела одна мысль: это знак. Просила единорога, что-

бы он помог, и вот... Если мы возьмем сокровища Матери Драконов, я смогу для Бабули хоть десять амулетов купить. И еще на леденцы близняшкам останется.

– Никакой гарантии, – согласился Таракан. – Но что-то при себе у нее должно быть. Пыльцу-то Мать должна покупать.

– Короче, я в деле, – сказал Обрез. – Да ты, Тара, и так знаешь: куда иголка – туда и нитка. Прихлопнем Драконицу, сокровищ огребем... Пулемет наконец-то купим.

А потом они посмотрели на меня.

Я честно попыталась взвесить все "за" и "против", но в голове стоял туман. Такое было чувство, что, если я откажусь – лишусь чего-то очень важного. Такого, которое раз в жизни бывает.

Мечта идиота: убить дракона...

– Думаете, мы справимся втроем?

– Три – очень хорошее число. – сказал Таракан. – Тем более, что у меня есть план.

Глава 5

Маша

Пока собрались, наступил вечер. Я честно предполагала, что теперь мы разойдемся, а встретимся уже на рассвете, но Таракан решил по-другому.

– Готовиться сейчас надо, – заявил он. – Как раз к рассвету и успеем.

И мы потопали в Слободку, к оружейникам.

Мать обосновалась на старом заливном лугу, где еще в прошлом месяце встали табором цыгане. Несколько раз они заявлялись в город, давали представления на площади. Мы с Ласточкой ходили смотреть кукольный театр, но в восторге не остались. Куклы только и делали, что лупили друг друга по головам дубинками.

Сейчас я понимаю, что театр был только прикрытием. На самом деле, цыгане были разведчиками Матери. Высматривали: стоит ли город того, чтобы требовать с него выкуп. Получалось – стоит...

Дорога шла вдоль реки, мимо тех самых заливных лугов. Виднелись цветные пологи кибиток, тянуло дымком от походных кухонь. Всхрапывали стреноженные кони. Кто-то на-

игрывал на скрипке, слышался звон бубна и молодецкие выкрики.

– О народ, – покачал головой Таракан. – Что ни день – у них праздник.

– А где драконы? – вытянул шею Обрез. Прямо как ребенок, впервые попавший в цирк.

– Мать их на ментальной привязи держит. Твари-то безмозглые. Если их не сдерживать, всё вокруг разнесут. При чем просто так. Из хищнического инстинкта. – пояснил непревзойденный знаток драконьих повадок Таракан.

– Хищники никогда не убивают всю дичь, – возразила я. – Ни тигры, ни львы так не охотятся. Я в книжках читала.

– Так то ж нормальные звери, – пожал плечами Таракан. – У них природные ограничители, выработанные эволюцией. А драконы – креатуры магические. Нежить, одним словом.

Телега сонно покачивалась и лишь иногда, наехав на кочку, вздрагивала. Кобыла, которую по дешевке удалось сторговать Таракану, была пожилой, а груз – довольно тяжелым. Так что ехали мы медленно. За телегой, беспечно позванивая колокольчиком, брела корова.

Светила яркая луна, в густой траве заливались сверчки, а от реки веяло прохладой и цветущими кувшинками. На другом берегу, в густом орешнике, пели соловьи.

Мы отдыхали. Передавали друг другу бутылку молока, за-

кусывали салом и черным, с поджаристой корочкой, хлебом. Мечтали, как потратим сокровища Драконихи. Точнее, мечтал Обрез, а мы с Тараканом слушали.

– Сниму хату в городе, – рассказывал он, довольно жмурясь. – Надоело в общеаге. Ни поспать, ни девку привести.

– Ага, – хихикнула я, – Девки на тебя так и вешаются. Гроздьями.

– А может, и вешались бы. Если б я один жил. Еще мечтаю в Зеленый Пеликан сходить. Говорят, кордебалет у них – полный отпад. Бабы в одних только перьях скачут.

– Ты окромя как о бабах, о чем-нибудь думать можешь?

– Между прочим, могу, – не обиделся Обрез. – Мотоцикл хочу вот купить, в Слободке у Ростопчия. Топливо – спирт пополам с кукурузным маслом. Ну, и мамке в деревню денег пошлю – пусть крышу на хате перекроет. Братишкам гостинцы, опять же.

– У тебя семья есть?

– А как же. Маманя и два братца-акробатца. Петька с Арменом.

– А чего имена такие?

– Отцы разные. Мамка моя – женщина видная и не старая еще. Как батя погиб, её армянин замуж взял. Хороший мужик был, хозяйственный. Тоже помер. Оба мужа по пыльной дорожке пошли.

– Так оно и бывает, – кивнул Таракан. – Разок вмазался – пиши пропало. Всё одно: спылишься.

– Ну, не скажи... – мотнул вихрами Обрез. – Маги вон, Пыльцу ведрами жрут.

– Так-то оно так, – кивнул Таракан. – Да только не попробуешь – не узнаешь, пластинка ты долгоиграющая, или вошь подноготная.

Мы дружно вздохнули... Исполнить все свои мечты. Я, например, всегда мечтала стать такой же красивой как Ласточка. Или Мадам Елена.

Да только я в магическое счастье не верю. Помню, как от отца среди ночи бежать пришлось, я тогда совсем маленькая была. Ну, честно говоря, настоящей-то памяти нет, только вспышки: чудовища с щупальцами, темнота, холод, страх...

– Драконы по ночам спят, – сказал Таракан. – Слепые они, как индюшата. Так что к утру мы должны тут окопаться. – он обвел взглядом обширную поляну, найденную нами невдалеке от табора.

Вокруг был лес. Одичавшие яблони да черешни, меж ними – густой малинник. Раньше, до Распыления, здесь колхозные сады были.

– Корову привязывай у опушки, под деревьями, – руководил он, показывая, где именно должна быть корова. – Вокруг зароем снаряды, сами заляжем на другой стороне, за деревьями. Драконы, почуяв корову, прилетят, но с воздуха её взять не смогут – ветки помешают. Им придется сесть, тут-то мы и подорвем фугасы.

– А ты уверен, что они прилетят? – спросила я.

– Сейчас они голодные. Фуражу Хрон не дал, а сами они пока не охотились – скот по деревьям целый. Услышат поутру, как коровка наша мычит – она ж доиться захочет – и прилетят, как миленькие.

Я погладила Буренку по теплой шее. Жалко её. Если цела останется – домой заберу. Близняшкам молока попить полезно будет. Невольно хихикнула. Картина маслом: Ласточка, вся из себя расфуфыренная, с прической и в боевой раскраске, доит корову...

– Ты говорил, драконов Мать на поводках держит.

– Не бойсь. На счет этого предусмотрен отвлекающий маневр, – видно было, что Таракан уже устал от моих вопросов. – Сорвутся, как миленькие.

– А мне что делать? – я зевнула и посмотрела на часы. Начало первого.

– Как что? – удивился Таракан. – Нужно детонаторы фугасов к автосигнализации подключить. – он протянул мне брелок.

– Ух ты! Где взял? – на брелке была надпись: StarLine.

– Со старых времен осталась, – беспечно махнул рукой Таракан. – Я только машину купил. И сигнализацию по интернету заказал. Как раз посылка пришла, а тут – Распыление. Тойоту мою сосед файерболом грохнул, а сигнализация осталась.

– Если б ты её в Слободку снес, Ростопчий кучу денег от-

валил бы.

– А на что мне деньги? Зато теперь для дела пригодится.

– Тара... – я замялась. – А кем ты до Распыления был?

– На юридическом учился. Пятый курс заканчивал, адвокатом собирался стать. Невеста у меня была.

– И... что?

– А ничего. Слишком быстро всё случилось. Сегодня – нормальный мир, и никто ни сном, ни духом, а через три дня – Средиземье. В точности, как у Рональда, тройным загибом его через косяк да об голову, Руэла Толкиена... Моя-то эльфийкой мечтала стать. Вот и домечталась. Арвен, блинский ёж, Ундомиэль.

До трех утра я работала, при свете крошечного фонарика. Пальцы онемели, перед глазами роились черные мушки, а в груди всё трепыхалось: одно неверное движение, и...

Таракан копал ямы.

– А куда Обрез делся? – спросила я, закончив с детонаторами. Под веки будто песку насыпали.

– Я его к табору послал. Для отвлекающего маневра.

– Это какого?

– Да ничего особенного. Присмотрит какой-нибудь безопасный объект – стожок, или пустую кибитку. И подожжет. У него канистра с бензином.

Так я и знала. Обреза хлебом не корми, дай что-нибудь

поджечь. Или взорвать. Одна беда: ему дай волю, весь табор на воздух взлетит.

– Ёкарный бабай, вы офигели? Бензин на такую херню тратить? – я аж проснулась, от возмущения.

– За языком следи, – прикрикнул Таракан. – Нужно, чтобы рвануло быстро, ярко и наверняка. Мать, как всякая баба, испугается, кинется спасать добро, про питомцев своих на время забудет.

– На словах у тебя всё ладно выходит. А если не все драконы на фугасах подорвутся?

– На этот случай я РПГ взял, восемь кумулятивных подарочков. И еще один – термобарический.

– От него-то что толку? Кумулятивные в драконе хоть дырки прожгут, а этот только по бронированной шкуре расплещется, и вся радость.

– Зато по дешевке. В кулацком хозяйстве... Ну, еще противопехотки, двадцать штук.

– Тоже по дешевке?

– Мы их на нашем конце раскидаем. На всякий случай. Если какой гад к нам подобраться надумают – уж лапу, всяко, оторвет.

Я зевнула совсем душераздирающе, чуть челюсть не вывихнула. Вчера поспать не удалось, так что, получается, вторую ночь на ногах.

– Может, не надо? По-моему, и фугасов хватит.

– Приляг, – предложил Таракан. – В телеге сено. Залезай,

кожушкой моим укрывайся, и спи. Я разбужу.

– А ты?

– Мины раскидаю и тоже вздремну. До рассвета еще далеко.

Услышав взрыв, решила, что всё проспала. Рывком скатилась с телеги и уткнулась носом в землю. По спине забарабанили комья земли и подозрительно теплый дождь. Пахнуло порохом и почему-то кровью.

– Корова! – закричал прямо в ухо Таракан. – Отвязалась, стерва, мать её раз так, и раз эдак.

– Что? – я ничего не понимала. – Где корова? Почему темно?

– Отвязалась, туды её в качель, – уже тише ругнулся Таракан. – Пошла, дура, по полю, травку щипать, и на мину наступила.

Вот, значит, откуда теплый дождь. Опять волосы хрен отмоешь.

– Мать перемать! Я говорила – лишние они, а ты – на халяву, на халяву...

Ёпрст. Все приготовления насмарку.

Только села и вытерла лицо рукавом, как со стороны табора тоже раздался взрыв. Над деревьями полыхнуло красным. Где-то там завопили, заголосили, послышалось истеричное ржание лошадей, задушенный клекот кур...

– Сигнал, мать его, – сказал Таракан упавшим голосом. – Обрез решил, что это мы атаку начали.

Я на него не смотрела. Пыталась разглядеть, что творится за лесом. Но кроме пожара – меж деревьев мелькало всё больше оранжевых языков – ничего не было видно. Не сразу дошло, о чем это он. А когда дошло...

С неба обрушился бешеный вой. И жар. И ветер.

– Беги! – закричал Таракан, и я побежала.

Вокруг полыхало, над головой что-то бухало и свистело. Пахло копотью. Не придумав ничего лучше, я забила под телегу, но она тут же вспыхнула, как спичка. А потом раздался еще один взрыв и такой рёв, будто включили десяток противотуманных сирен. Дракон тоже попал на мину! Теперь он ворочался посреди поляны, хлопая крыльями и пытаясь взлететь.

Они почуяли кровь. Мать, как и предсказывал Таракан, ослабила поводки, когда в таборе вспыхнул пожар. Да только начался он намного раньше, чем мы рассчитывали.

Над табором взвился сноп искр, послышалась сухая быстрая дробь. Или там палят из автомата, или огонь добрался до цыганских боеприпасов... Неужто по Обрезу палят?

Скатившись в глубокую промоину, я по-пластунски поползла к лесу. Там, под защитой деревьев, можно будет встать, оглядеться...

Услышав свист разрываемого воздуха, я замерла. Совсем

рядом – рукой дотянуться – приземлился второй дракон. Сквозь траву виднелся черный, лоснящийся в отблесках огня, бок, изгиб мощной лапы. Шипастый кончик крыла торчал прямо перед лицом. Затаив дыхание, я боялась моргнуть, а где-то над головой огромные ноздри шумно втягивали ночной воздух.

Я же вся пропахла кровью. – вдруг пришло в голову. – От меня же несет, как от скотобойни... Сейчас он меня найдет, и снюхает, как мышку-полевку.

Дождавшись, чтобы он отвернул голову, я вскочила и рванула к деревьям. Вслед плеснула струя пламени. Чувствуя, как загорается куртка на спине, я упала и покатилась.

И тут на другом конце поляны грохнуло. Выстрел из РПГ! Преследовавший меня дракон трубно взревел и забил крыльями, пытаясь взлететь. В его боку зияла хороших размеров дыра. Еще один выстрел! Затем еще, еще и еще... Два попадания из восьми. Привстав на коленки, высунув голову из травы, я не могла оторвать взгляда от дракона.

Никогда не забуду: черный, чернее ночи, силуэт, подсвеченный алыми всполохами огня. Вот он поворачивается, взмахивая крыльями и задрав голову на длинной, как у лебедя, шее, неторопливо, как в замедленной киносъемке, распахивает пасть, втягивая воздух, и я понимаю, что уже не успею ни убежать, ни спрятаться от огненной струи.

Выстрел – и снаряд входит прямо ему в глотку, расплескавшись там огненным озером. Голову разносит к свиням

собачьим.

Ура!!! Победа! Чистое везение, но как красиво... Туша, вздергивая лапами, как безголовая курица, мечется по траве.

Я огляделась. В отблесках пламени просматривалась вся поляна. Дракон, завалившись на бок, еще чуть трепыхался. Даже упав, он оказался выше меня. Намного выше. Я нервно сглотнула, обойдя его кругом и посмотрев на когти. Если бы он не промахнулся... Глаза слезились от дыма и необычного, резкого запаха. Будто рядом подождгли целую тонну пороха.

Расхрабрившись, я подошла и пнула его по лапе. Затем прижала руку к черному боку, но тут же отдернула: чешуя была горячей.

– Цела?

Рядом возник Обрез. Глаза у него были безумные, совершенно белые. Брови обгорели напрочь, а волосы из-под закопченной банданы торчали клочьями. Пахло от него почему-то паленой псиной.

– Ты цела? – повторил он вибрирующим высоким голосом. По лбу у него текла кровь, и Обрез, совершенно не замечая, что делает, вытер её рукой. Недоуменно посмотрел на красную ладонь...

– Я-то цела! С тобой что? – я попыталась его ощупать, но он меня оттолкнул. – Где Тара?

– Не знаю. После того, как прилетели драконы, мы разбежались. Потом он стрелял в этого, – я кивнула на тушу, – Из РПГ.

– Это я стрелял.

Я не сразу поняла, что он говорит.

– Что? Почему ты?

– Потому, мать твою! – но, посмотрев на меня, он пояснил: – Я, как взрыв услышал – думал, у вас что-то сорвалось. Взрыватель не тем концом вставили, или еще что... Словом, решил, что вам хана. А тут – драконы. Они возле табора, под пологом ховались. Тихие, как мыши... Я, когда подходящую позицию искал, чуть не вперся к ним сдуру. Едва штаны не обделал. Услышав первый взрыв, они заволновались шеи вытягивали, что твои гуси... А потом поднялись, полог скинули, и прямиком сюда. Я тогда канистру в костер кинул и тоже к вам.

Смотрю – а они уже резвятся. Хорошо, один на mine подорвался и кровью истек, а второй... Я как увидел, что он за тобой гонится... А телега горит. Хорошо, боеприпас сгрузить успели. Я РПГуху схватил и давай лупить. С первого раза попал! Да только выстрел ему – что слону дробина. Все восемь штук в него, собаку, высадил... Тогда я тепловой и зарядил. Не убью, думаю, так напугаю. А оно вон как вышло.

– Спасибо, – с чувством сказала я. – С меня причитается.

– Где Таракан? – не слушая, опять спросил Обрез. – И где третья тварь?

– Третья? – я даже растерялась. Обрез тоже.

– Дак... Драконов-то – три штуки было.

Мы синхронно задрали головы. Лес почти догорел и звезды были яркие-яркие, будто начищенные. Где-то еще гудело и потрескивало, но на поляне стояла мертвая тишина. Я только открыла рот, чтобы позвать Таракана – вдруг услышит? Но Обрез схватил меня за руку и указал на дальний край леса. Оттуда, ревя как бомбардировщик, пикировал черный силуэт. Мы присели.

– Где взрыватель от фугасов? – уголком рта прошипел Обрез.

– У меня, – я похлопала себя по карману... Пусто. Обшарила остальные – ничего. Тогда я уставилась на него страшными глазами и покачала головой. – Потеряла.

Вместо того, чтобы меня придушить, он только вздохнул.

– Ищи. Иначе нам хана. А я его отвлеку... – Обрез попытался рвануть через поляну, я едва успела ухватить его за воротник, и мы вместе повалились за драконью тушу.

– Там противопехотки, – прошептала я ему в ухо. – Корова на такой и подорвалась.

Дракон, затормозив у земли, вновь начал подниматься, разгоняя воздух мощными взмахами крыльев.

– Где РПГ? – спросила я.

– Выстрелы кончились, – ответил Обрез. – Всё в этого гада высадил. – он пнулдохлую тушу рядом.

– Автоматы?

– Рядом с телегой, – мы осторожно выглянули. На том месте дымилась воронка.

И тут на поляну выползло... нечто. Оно имело коровью голову с рогами, даже хвост, но не имело ног. И издавало странные человеческие звуки: – Му-у-у! Му-у-у!

– Это Таракан! – закричал Обрез. – Он под коровьей шкурой! – Тара!!! Эгей!!! – дракон, вытянув шею стрелой, прынул к нам.

– Идиот! – заорала я, рыбкой уходя от струи пламени. Ногам стало горячо.

– Му-у-у! Му-у-у! – опять раздалось над поляной. Дракон, красиво кувырнувшись в воздухе, ринулся к коровьей шкуре.

Брелок... Я прикрыла глаза, вспоминая. Скорее всего, он выпал, когда я кувыркалась, уклоняясь от драконьего огня... Это было где-то здесь. Упав на колени, я лихорадочно зашарила руками в траве.

Дракон, выставив когти, пикировал на шкуру. Если он схватит Таракана... И тут я увидела Обреза. Он стоял у кромки леса и орал, размахивая руками. Тварь, оставив корову, понеслась к нему.

Моя рука нашарила гладкий камушек.

– Нашла! – заорала я что есть мочи. – Я нашла сигналку!

Дракон завис в воздухе. Перед ним было три цели, и он не знал, какую выбрать.

– Заманю его на фугасы! – закричал Таракан и, выбравшись из-под шкуры, побежал к лесу. Дракон рванул за ним,

но у опушки его крылья запутались в ветках.

– Жми! – заорал Обрез и я нажала кнопку.

Огненная пирамида, только острым концом вниз, выметнулась из земли, подхватила дракона – стал виден четкий силуэт, – а в следующий миг его закрутило, крылья стали похожи на сломанные зонтики, и...

Не успела прикрыть лицо от летящих ошметков дракона, как меня оторвало от земли, понесло и, наверное, обо что-то ударило. В глазах потемнело.

Услышав голоса, я села, пытаюсь руками удержать голову. Казалось, если её не подпирать, шея сломается, как маковый стебель, и голова покатится по выжженной земле... Вокруг было светло.

– Эй, ты как? – рядом присел Обрез. – Жива?

Всё болело. Ожоги – на спине, локтях, даже на пятках, нестерпимо саднило. Во рту было так сухо, что слова не выговаривались. Поперхав, я просто махнула рукой. Обрез протянул алюминиевую фляжку с чем-то теплым. Оказалось, с речной водой – она пахла илом, а на зубах скрипел песок.

– Что с Тараканом? – спросила я, напившись.

– Жив, курилка, – Обрез плюхнулся рядом и отобрал у меня фляжку.

– Как он по минному полю прошел? – я, приставив ладонь козырьком к глазам, пыталась рассмотреть, что твориться на поляне. Там ходили какие-то люди.

– Чтобы минер, да на собственной mine подорвался? – усмехнулся Обрез. – Вон он, показывает приезжим господам, как дело было.

С глазами у меня было что-то не то. Силуэты казались черными.

Весь лес вокруг поляны полег. Как спички, рассыпанные из коробка. Чернели лишённые веток и листьев стволы, меж ними поднимались тонкие струйки дыма. Пахло золой и печёным мясом.

На поляне, горбами к небу, чернели туши драконов. Теперь было видно что тому, первому, подорвавшемуся на mine, оторвало задние лапы. Всё-таки сработал план Таракана. Хотя бы частично.

И тут я вспомнила одну вещь, о которой совсем, совсем не думала с тех пор, как на нас напали. И повернулась к Обрезу.

– А что с Матерью?

– А вот тут, – он вздохнул, – начинается самое интересное. – Когда ты взорвала последнего дракона, Мать, видимо, это почуяла. Может, он у нее любимчик был, или еще что... Не осела пыль от взрыва, смотрю – над лесом баба летит. Из ладоней – столбы света, как ракетное пламя. Волосы у нее белые-белые, длинные, и извиваются, как змеи. Жуть, в общем. Увидела мертвых драконов, раззявила пасть, да как зарет! И звук как бы материальный. Будто это не звук, а грязь, что-ли... Я уши руками прикрыл, и – носом в землю. Но потом не утерпел, выпростал один глаз. И вижу: выходят из ле-

су, со стороны дороги, двое...

В руках – будто сеть крупноячеистая из света. Набрасывают они эту сеть на бабу, от нее дым валит. Видно, жжет... И завязывается меж ними битва: она в них файерболы пуляет, они – в нее, только не огненные шары, а синие молнии. Шум, треск, и электричеством пахнет. Лес вокруг так и полег, как трава под росой.

А Мать возьми, и прямо из воздуха достань еще одного дракона! Громадного, как слон, и синего, как медный купорос. Дракон тут же изобразил из себя паяльную лампу и ну магов поливать. Те только руки растопырили и будто щит между ними – всё пламя в этот щит и ушло... А потом один пультнул диск от циркулярной пилы, тот дракона на мелкие кусочки и покрошил. Кровищи было... А Мать Тара замочил.

– Как это? – не поняла я.

– А так. Очнулся, достал револьвер – он его всегда в кобуре под мышкой носит – и высадил в неё всю обойму.

Мы немного помолчали. Таракан вдалеке размахивал руками, доказывая что-то магам.

– Значит, нет больше Матери, – задумчиво сказала я. – А сокровища? – Обрез только горестно вздохнул.

– Сокровищ тоже нет. Цыгане разбежались, а табор сгорел.

Мы опять замолчали. Говорить было не о чем: очередной

план спасения Бабули накрылся медным тазиком. Только и оставалось, что пойти, и повесится. Или вернуться, и вытрясти из Шаробайки компенсацию – хотя бы то, что на боеприпасы потрачено, вернуть.

– А маги, всё равно себе весь гонорар заберут, – будто подслушав мои мысли, пробурчал Обрез. – Скажут, что это они и Мать, и драконов ейных завалили. А нам – шиш с маслом.

– Пусть только попробуют, – я поднялась. – Я им все кишки вырву и на гольфы пушу.

Глава 6

Иван

...В городе стояла удушающая жара, и это было непривычно. У нас в Москве давно научились контролировать погоду... Пока забрал с почтовой станции багаж да отыскал постоянный двор, вымотался окончательно.

Лумумба сидел у распахнутого окна в удобном плетеном кресле. Благородные кудри его обдувал прохладный ветерок, а ноги, в щегольских сапожках из кожи химеры, покоились на мягком пуфике.

Время от времени учитель подносил к губам хрустальный бокал. Глаза его были полузакрыты а движения полны праздной неги.

За креслом, изогнувшись в подобострастном поклоне и нашептывая что-то на ушко его сиятельству, пребывал напомаженный, благоухающий гвоздичной водой, управляющий гостиницы.

Эта парочка, являя собой довольство и благолепие, окончательно пошатнула мою веру в разумное, доброе и вечное.

С грохотом побросав сундуки и нарочито пыхтя, как паровоз, я упал на диван рядом с неубранным еще, накрытым

кружевной салфеточкой столом, налил полный стакан воды и выхлестал залпом.

– Стажер! – обрадовался наставник, будто только что меня заметил. – Как быстро ты вернулся. А мы тут с милейшим Аполлоном Митрофановичем городские сплетни обсуждаем. Прелюбопытная картинка получается... Да ты кушай, пока не остыло, – он кивнул на блюда под серебряными крышками. – Отведай супчику: райское блюдо! Курочка домашняя, нежная – м-м-м... А какая здесь осетрина, Ваня! За такую осетрину и душу не грех продать, – он посмотрел на свет сквозь бокал. – Не говоря уж о коньяке. Вы меня не обманываете, милейший? – он повернулся к управляющему.

– Никак нет-с. Не обманываю. Сей напиток производят у нас в городе, на заводе господина Дуриняна. Особые технологии, так сказать-с.

– Прекрасно! – восхитился учитель. – Просто замечательно! Что характерно: раньше, до Распыления, никакие технологии такого букета не давали. Только по старинке: бочки, купажирование, выдержка...

Дальше я не слушал. После предложения угощаться я как-то сразу подобрел, простил учителя за праздность и тоже преисполнился благости. Супчик оказался и вправду мировой – не знаю, в чем тут дело. Может, куры здесь более породистые, чем у нас.

Душистый хлеб хрустел снаружи и был мягок внутри, осетрина, как и обещал Лумумба, оказалась ароматной и

прозрачной, аки розовые лепестки, и таяла во рту.

Через полчаса неторопливой беседы с Лумумбой управляющий наконец-то усмотрел возможность испариться, сославшись на необходимость подготовки второй комнаты – для меня. А я, насытившись, стал оглядываться.

В глаза бросалась нарочитая роскошь новой нашей обители. Полосатые, в розочках, обои, зеркала и картины в тяжелых рамах, обивка мебели и портьер – всё выдержано в золотых и пурпурных тонах. Ванная комната облицована каррарским мрамором – поддельным, я так понимаю. За то само корыто – рассчитанное, по меньшей мере, на левиафана, чугуннойковки, и на роскошных львиных лапах впечатляло... Коврик на полу – и тот был пурпурным, с золотой окантовкой. Как его, барокко мать его за ногу рококо. Я всерьез обеспокоился.

– Бвана, во сколько нам эта роскошь обойдется? Месячный оклад за сутки? Чем вам вдруг так разонравились обычные номера для командировочных? Клопы надоели?

– Не ной, – отмахнулся учитель. – Пока я сюда шел, подумал, что лучше не афишировать, кто мы такие. Не будучи агентами, мы скорее выйдем на поставщика пылицы. А это, как ты понимаешь, требует большего размаха, нежели могут себе позволить скромные служащие.

– Дак нас Шаробайко видел. Он же в курсе.

– Он будет молчать, это и в его интересах. Подумай: заезжее начальство сильно понижает его в статусе. Ему это не с руки – прекрывается путь к казенной кормушке.

– Он же плакался, что в казне ничего нет, – честно говоря, иногда я любил включить дурачка. Просто, чтобы взбодрить драгоценного учителя. Не дать ему расслабиться окончательно.

– Деньги просто разворовали, обычное дело. Такова натура человеческая: брать то, что тебе не принадлежит, – Лумумба, поднеся бокал к глазу, посмотрел сквозь него на меня, и подмигнул.

– Вы ж не берете.

– Для воина великого племени самбуру это является единственно возможной линией поведения. Мой отец, великий вождь М'бвеле Мабуту, всегда говорил: – не воруй, сынок. Руку отрежу.

– Так и что у вас за идея? – я зевнул. Глаза слипались. Жара, жужжание мух, негромкое чирикание, доносящееся через окно – всё навевало сонное оцепенение.

– Представимся публике гастролерами, – от голоса начальника я встряхнулся.

– Это как?

– А так: маги мы с тобой не из последних, а Пыльцы здесь хоть отбавляй... Ты погляди на этот коньячок! – он протянул мне пузатый бокал. – Да нет, пить не нужно – всё равно не оценишь, лучше понюхай. Чуешь? Авторитетно заявляю: ни

один доморощенный коньячный спирт ТАК не пахнет.

– А что пахнет?

– "Курвуазье", разлива тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

– Именно семьдесят третьего?

– Именно.

Я напряг извилины.

– Так это же...

– Правильно. Может, где-то еще и сохранилась крошечная партия оригинала, но, смею тебя заверить, друг мой: за бутылку "Курвуазье" семьдесят третьего года можно купить этот городишко вместе с потрохами, то бишь, с жителями, – учитель, отобрав у меня бокал, сделал маленький глоточек. – И какой отсюда следует вывод?

– Волшебство?

– Разумеется. Сидит на заводе господина Дуриняна маг с хорошим воображением, делает глоток оригинала, затем нюхает Пыльцу, и – вуаля.

– Сразу в бутылках.

– Именно! – начальник пружинисто вскочил и хищно прошелся по комнате. – Так что мы, друг ситный, нынче не старший оперуполномоченный майор Базиль М'бвеле со стажемом, а Великий Заклинатель, Проводник в Другие Миры, унган Вася Лумумба. С ассистентом.

– И что изменилось? – опешил я. – Мы же, вроде как, они и есть... – учитель закатил глаза.

– Врать нужно, по возможности, только правду, падаван. Иначе спалишься.

...поднял меня среди ночи и велел лететь ко входу в гостиницу. Сунув ноги в штаны, натянув рубаху и прихватив ботинки, я полетел. С учителем, когда он в таком состоянии, лучше не спорить.

На улице ждало такси.

По дороге Лумумба объяснил, что во сне, вдруг, ощутил такой ужас, пустоту и отчаяние, что вкушать отдых далее сделалось абсолютно невозможным. Поднявшись, он тут же погадал на крокодильих зубах – я, впрочем, давно подозреваю, что были это клыки, выдранные у обыкновенного дикого кабана, но не суть... Зубы указали, что опасность исходит от холодных кожистых существ, одновременно как бы огненных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.